

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

Ипполит Федорович Богданович

Избранные произведения

В настоящем издании публикуются поэма «Душенька», песни и разные стихотворения.

Главным произведением, доставившим И. Богдановичу исключительную популярность, была «Душенька» — «Древняя повесть в вольных стихах» [1775], выдержавшая пятнадцать повторных изданий. «Душенька» написана на сюжет французского баснописца Ла Фонтена «Les Amours de Psyché», в свою очередь исходившего из «Золотого осла» Апулея

Это галантная сказка, полная изящного остроумия, невинной эротики и ненавязчивых нравоучений. Ее сюжет — история любви Амура и Психеи — восходит в роману Апулея Метаморфозы, или Золотой осел, но поэма Богдановича почти свободна от мифологических подтекстов, она ближе к обработке этого же сюжета французским баснописцем Ж. Лафонтеном в романе Любовь Амура и Психеи, которому он и подражал. Однако при этом Богдановичу удалось остаться вполне самостоятельным. В поэме много примет русского быта, намеков на современные события в литературной и политической жизни, а Диана и Аполлон соседствуют с Кашеем и Змеем Горынычем. Главные достоинства поэмы — ее легкий ироничный стиль и столь же легкий и гибкий стих.

Примечания: П. Орлов.

И. Богданович

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

Душенька[1]

Древняя повесть в вольных стихах

Предисловие от сочинителя

Собственная забава в праздные часы была единственным моим побуждением, когда я начал писать «Душеньку»; а потом общее единоземцев благосклонное о вкусе забав моих мнение заставило меня отдать сочинение сие в печать, сколь можно исправленное. Потом имел я время исправить его еще более, будучи побужден к тому печатными и письменными похвалами, какие сочинению моему сделаны. Приемля их с должною благодарностию, не питаюсь самолюбием столь много, чтоб не мог восчувствовать моего недостатка при выражениях одного неизвестного, которому в вежливых стихах его угодно было сочинение, «Душеньку», назвать творением самой Душеньки. Предки мои, служив верою и правдою государю и отечеству, с простым в дворянстве добрым именем, не оставили мне

примера вознести себя выше обыкновенной тленности человеческой. Я же, не будучи из числа учрежденных писателей, чувствую, сколько обязан многих людей благодушию, которым они заменяют могущие встретиться в сочинениях моих погрешности.

Стихи на добродетель Хлои

*Красота и добродетель
Из веков имели спор;
Свет нередко был свидетель
Их соперничеств и ссор.
Хлоя! ты в себе являешь
Новый двух вещей союз:
Не манишь, не уловляешь
В плен твоих приятных уз;
Кто же хочет быть свидетель
Покорения сердец,
Хлоиных красот видец,
Сам узнает наконец,
Сколь любезна добродетель!*

Книга первая

*Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
[2]
Где в шуме вечных ссор кончали
дни герои,
Но Душеньку пою.*

Тебя, о Душенька! на помощь при-
зываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности
слагаю.
Не лиры громкий звук — услы-
шишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, те-
бе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум
мой осмелъ
Коснуться счастья селений бла-
годатных,
Где вечно ты без бед проводишь
сладки дни,
Где царствуют без скук весело-
сти одни.
У хладных берегов обильной
льдом Славены,[3]
Где Феб туманится и кроется от
глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппо-
крены.
Покрытый снежными буграми
здесь Парнас
От взора твоего растаявал не
раз.
С тобою нежные присутствуют

зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные
сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь
труды:
Веселья морщатся, амуры пла-
чут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых[4], равных, стройных
И к пеню пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не бес-
покою
И мерных песней здесь порядочно
не строю.
Черты, без равных стоп,[5] по
вольному покрою,
На разный образец крою,
И малой меры и большия,
И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в сти-
хах,
Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,

Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грозу,
Писать без рифм иль просто про-
зу.

Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и
покоя
Приятно рассмеялась Хлоя.

Издравле Апулей, потом де ла
Фонтен,
На вечну память их имен,
Воспели Душеньку и в прозе и сти-
хами
Другим языком с нами.
В сей повести они
Острейших разумов приятности
явили;
Пером их, кажется, что грации
водили,
Иль сами грации писали то одни.
Но если подражать их слогу
невозможно,
Потщусь за ними вслед, хотя в
чертах простых,
Тому подобну тень представить
осторожно

И в повесть иногда вместить забавный стих.

*В старинной Греции, в Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Как в каждом городке бывал особый царь,
И, если пожелал, был бог, имел алтарь.
Меж многими царями
Один отличен был
Числом военных сил,
Умом, лицом, кудрями,
Избытком животов,
И хлеба, и скотов.
Бывали там соседи
И злы и алчны так, как волки иль медведи:
Известен Ликаон,
Которого писал историю Назон;
[6]
Известно, где и как на самом деле он
За хищные дела и за кривые толки
Из греческих царей разжалован
был в волки.*

Но тот, о ком хочу рассказывать
теперь,
Ни образом своим, ни нравом не
был зверь;
Он свету был полезен
И был богам любезен;
Достоинно награждал,
Достоинно осуждал;
И если находил в подсудных звер-
ски души,
Таким ослиные приклеивал он
уши,
Иным сурову щеть, с когтями в
прибыль ног,
Иным ревучий зев, другим по паре
рог.
От едкой древности, которая была
глотаает,
Архива многих дел давно истреб-
лена;
Но образ прав его сохранно почи-
тает
И самый поздний свет, по наши
времена.
Завистным он велел, как вестно,
в том тружиться,
Чтоб счастье других
Скучало взорам их

И не могли б они покоем насла-
ждаться.
Скупым определил у золота си-
деть,
На золото глядеть
И золотом прельщаться;
Но им не насыщаться.
Спесивым предписал с людьми не
сообщаться,
И их потомкам в казнь давалась
та же спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велел, чтоб мир ни в чем не верил
Тому, кто льстил и лицемерил.
Клеветникам в удел
И доносителям неправды госуда-
рю
Везде носить велел
Противнейшую харю,
Какая изъявлять клеветующих
могла.
Такая видима была
Не в давнем времени, в Москве на
маскараде,[7]
Когда на масленой, в торже-
ственном параде,
Народ осмеивал позорные дела.
И словом,

В своем уставе новом
Велел, чтоб обще все злонравны
чудаки
С приличной надписью носили
колпаки,
По коим их тогда скорее узнавали
И прочь от них бежали.
По доброму суду, устав сей был не
строг
И нравился народу,
Который в дело чтить не мог
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали в воду,
Как будто рыбий род,
По несколько на всякий год.
Овидий, лживых лет потом-
ственный писатель,
Который истину нередко обна-
жал,
Овидий, в самой лжи правдивых
муз приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни
часты.
Преображенные тогда в быков Це-
расты,
Цекропов целый род, за злобу и об-
ман,

Во стадо обезьян,
Льстецы, за низость душ, в лягуш-
ки,
Непостоянные — в вертушки,
Болтливые — в сорок,
Жестокосердые — во мраморный
кусок,
Тантал, Сизиф и Иксиона,
За алчну злобу их,
На вечной ссылке у Плутона,
И множество других
Почли бы все себе за милость и за
ласки,
Когда бы только царь,
Дурную в свете тварь
Рядя в дурные маски,
Наказывал стыдом.
Такая нова власть, без дальней
людям казни,
Держала всех в боязни;
И добрый царь притом
Друзей из доброй воли
Откушать хлеба-соли
Зывал в свой царский дом.

О, если б ты, Гомер, проснулся!
Храня твоих героев честь,
Которы, забывая месть,

Любили часто пить и есть,
Ты б, слыша стих мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи певец,
Тебе дерзнул я наконец
Подобиться, стихов отец!
Возможно ль изъяснить достойно
Великолепие пиров
У царских греческих дворов,
О коих ты писал толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что царь любил себя казать,
Иных хвалить, иных тазать,
Поесть, попить и после спать.
А за такое хлебосољство,
И более за добрый нрав,
От всех соседственных держав
Явилось к нему посольство.
Особо же он был отличен из ца-
рей
За то, что трех имел прекрасных
дочерей.
Но солнце в красоте своей,
Когда вселенну освещает,
Луну и звезды помрачает, —
Подобно так была меньшая всех
видней,
И старших сестр своих достоин-
ства мрачила,

*И розы красоту, и белизну лилей,
И, словом, ничего в подобном виде
ей
Природа никогда на свете не яви-
ла.*

*Искать приличных слов
К тому, что в множестве веков
Блистало толь отменно,
Напрасно было бы, и было б дерз-
новенно.
Короче я скажу: меньшая царска
дочь,
От коей многие вздыхали день и
ночь,
У греков потому Психея называ-
лась,
В языках же других, при переводе
слов,
Звалась она Душа, по толку муд-
рецов,
А после в повестях старинных
знатоков
У русских Душенька она именовалась;
И пишут, что тогда
Изыскано не без труда
К ее названию приличнейшее сло-*

во,
Какое было ново.
Во славу Душеньке у нас от тех
времен
Поставлено оно народом в лекси-
коне
Между приятнейших имен,
И утвердила то любовь в своем
законе.

Но часто похвалы
Бывают меж людей опаснее хулы.
Презорна спесь не любит,
Когда повсюду трубит
Прямую правду вслух
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужие права
Завистливых терзают дух.
Такая, Душенька, была твоя про-
слуга,
Как весь цитерский мир и вся его
округа
Тебя особо обожали
И все к тебе бежали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты —
печали!
Веселий, смехов, игр собор,

Оставив прелести Венеры,
Бежит толпою из Цитеры.
Богиня, обтекая двор,
Куда ни обращает взор,
Не зрит ни жертв, ни фимиамов;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество цитерских храмов
Травой и лесом поросли.
Сады богини сиротели,
И дом являл опальный вид;
Зефиры изредка свистели:
Казалось ей, свистели в стыд.
Непостоянные амуры,
Из храма пролетая в храм,
К унылой пустоте природы
Не возмogli привыкнуть там.
Оттуда все лететь хотели,
И все вспорхнули, возлетели
За Душенькою в новый путь,
Искать себе свободной неги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны беги.
Оставших малое число,
Кряхтя под игом колесницы
Скучающей своей царицы,
Везде уныние несло.
Не в долгом времени, по слухам
самым верным,

Узнала наконец богиня красоты,
Со гневом пребезмерным,
Причину вокруг себя и скук и пусто-
ты.

Хоть Душенька гневить не мыс-
лила Венеру,
К достоинствам богинь имела
должну веру,
И в поступи своей всегда хранила
меру,
Но вскоре всем хулам подвержена
была.

Притом злоречивые духи,
О ней худые сея слухи,
Кривой давали толк на все ее де-
ла;
И кои милостей иль ждали, иль
просили,
Во угождение богине доносили,
Что будто Душенька, в досаду ей
и в зло,
Присвоила себе цитерских слуг
число;
И что кому угодно
В то время мог солгать на Ду-
шеньку свободно.
Но чтобы делом месть
Над нею произвести,

Собрав Венера ложь и всяку небылицу,
Велела наскоро в дорожну колесницу
Шестнадцать почтовых зефиров
заложить,
И наскоро летит Амура навестить.
Читатель сам себе представит
то удобно,
Просила ли его иль так, или подобно,
Пришед на Душеньку просить и доносить:

«Амур, Амур! вступишь за честь мою и славу,
Яви свой суд, яви управу.
Ты знаешь Душеньку, иль мог о ней слышать:
Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставит ни во что твою бессмертну мать;
Уже и нашими слугами
Осмелилась повелевать
А в областях моих над мной торжествовать;

Могу ли я сносить и видеть равно-
душно,
Что Душеньке одной везде и все
послушно!
За ней гоняся, от нас отходят
прочь
Поклонники, друзья, амуры и зе-
фиры,
И скоро Душеньке послушны бу-
дут миры.
Юпитер сам по ней вздыхает день
и ночь,
И слышно, что берет себе ее в су-
пруги,
Гречанку наглуую, едва ли царску
дочь,
Забыв Юнонины и верность и
услуги!
Каков ты будешь бог и где твой
будет трон,
Когда от них другой родится Ку-
пидон,
Который у тебя отымет лук и
стрелы
И нагло покорит подвластны
нам пределы?
Ты знаешь, сколь сыны Юпитеро-
вы смелы:

По воле ходят в небеса
И всякие творят на свете чудеса.
И можно ли терпеть, что Ду-
шенька собою,
Без помощи твоей, во всех вселя-
ет страсть,
Какую возжигать один имел ты
власть?
Она давно уже смеется над то-
бою
И ставит в торжество себе мою
напасть.
За честь свою, за честь Венеры
Яви ты строгости примеры;
Соделай Душеньку постылою на-
век,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался
человек;
Иль дай ты ей в мужья, кто б
всех сыскался хуже,
Чтобы нашла она себе тирана в
муже
И мучила б себя,
Жестокого любя;
Чтоб тем краса ее увяла,
И чтобы я покойна стала».

Амур желал тогда пресечь
Сию просительную речь.
Хотя богинь он ведал свойство
Всегда соперниц клеветать,
Но должен был привести в спокой-
ство
Свою прогневанную мать
И ей впоследок обещать
За дерзость Душеньку порядком
постращать.
Услышав те слова, амуры ужасну-
лись,
Весельи ахнули и смехи содрогну-
лись.
Одна Венера лишь довольна тем
была,
Что гнев на Душеньку неправдой
навлекла;
С улыбкою на всех кидая взор при-
ятно,
Сама рядила путь во остров свой
обратно,
И для отличности такого тор-
жества
Явила тут себя во славе божес-
тва.
Отставлена была воздушна ко-
лесница,

Которую везла крылатая станица,
С прохладным роздыхом, порозжую назад.
Богиня, учредив старинный свой парад
И в раковину сев, как пишут на картинах,
Пустилась по водам на двух больших дельфинах.

Амур, простря свой властный взор,
Подвигнул весь Нептунов двор.
Узря Венеру, резвы волны
Текут за ней, весельем полны.
Тритонов водяной народ
Выходит к ней из бездны вод;
Иной вокруг нее ныряет
И дерзки волны усмиряет;
Другой, крутясь во глубине,
Сбирает жемчуги на дне
И все сокровища из моря
Тащит повергнуть ей к стопам.
Иной, с чудовищами споря,
Претит касаться сим местам;
Другой, на козлы сев проворно,
Со встречными бранится вздор-

но,
Раздаться в сторону велит,
Вожжами гордо шевелит,
От камней дале путь свой правит
И дерзостных чудовищ давит.
Иной, с трезубчатым жезлом,
На ките впереди верхом,
Гоня далече всех с дороги,
Вокруг кидает взоры строги
И, чтобы всяк то ведать мог,
В коралльный громко трубит
рог;

Другой, из краев самых дальних,
Успев приплыть к богине сей,
Несет отломок гор хрустальных
Наместо зеркала при ней.
Сей вид приятность обновляет
И радость на ее челе.

«О, если б вид сей, — он вещает, —
Остался вечно в хрустале!»

Но тщетно то Тритон желает:
Исчезнет сей призрак, как сон,
Останется один лишь камень,
А в сердце лишь несчастный пла-
мень,

Которым втуне тлеет он.
Иной, пристав к богине в свиту,
От солнца ставит ей защиту

И прохлаждает жаркий луч,
Пуская кверху водный ключ.
Сирены, сладкие певицы,
Меж тем поют стихи ей в честь,
Мешают с быльми небылицы,
Ее стараясь превознести.
Иные перед нею пляшут,
Другие во услугах тут,
Предупреждая всякий труд,
Богиню опахалом машут;
Другие ж на струях несясь,
Пышат в трудах по почте скорой
И от лугов, любимых Флорой,
Подносят ей цветочну вязь.
Сама Фетида их послала
Для малых и больших услуг,
И только для себя желала,
Чтоб дома был ее супруг.
В благоприятнейшей погоде
Не смеют бури там пристать,
Одни зephyры лишь в свободе
Венеру смеют лобызгать.
Чудесным действием в то время,
Как в веяньи пшенично семя,
Летят обратно беглецы,
Зephyры, древни наглецы;
Иной власы ее взвевает,
Меж тем, открыв прелестну

грудь,
Перестает на время дуть,
Власы с досадой опускает
И, с ними спутавшись летит.
Другой, неведомым языком,
Со вздохами и нежным криком
Любовь ей на ухо свистит.
Иной, пытаясь без надежды
Сорвать покров других красот,
В сердцах вертит ее одежды,
И падает без сил средь вод.
Другой в уста и очи дует
И их украдкою целует.
Гонясь за нею, волны там
Толкают в ревности друг друга,
Чтоб, вырвавшись скорей из круга,
Смиренно пасть к ее ногам;
И все в усердии Венеру
Желают провозжать в Цитеру.
Не в долгом времени пришла к бо-
гине весть,
Которую Зефир спешил скорей
принести,
Что бедство Душеньки преходит
всяку меру,
Что Душенька уже оставлена от
всех
И что вздыхатели, как будто ей в

посмех,
От всякой встречи с ней повсюду
удалялись,
Или к отцу ее во двор хотя явля-
лись,
Однако в Душеньку уж больше не
влюблялись
И к ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко покло-
нялись.
Такой чудес престранный род
Смутил во Греции народ.
Бывали там потопы, моры,
Пожары, хлеба недород,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всех был нов.
Сказатели различных снов
И вопрошатели богов
О том имели разны споры.
Иной предвидел добрый знак,
Другой сулил напасти скоры.
Иной, напутав много врак,
Не сказывал ни так, ни сяк;
Но все согласно утверждали,
Что чуд подобных не видали
Во Греции с начала век.
Простой народ тогда в печали
К Венере вопиять притек:

«За что судьбы к народу гневны?
За что вздыхатели бежали от ца-
ревы?» —

Известно, что ее отменная краса
Противные тому являла чудеса.
Венера наконец решила всех судь-
бину:

Явила Греции сокрытую причину,
За что царева дочь теряет преж-
нюю честь,

За что против себя воздвигла
вышнюю месть,

И с видом грозным и суровым
Царевым сродникам велела быть
готовым

Еще к несчастьям новым,
Предвозвещаая им на будущие дни
Беды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведут к ней в руки.

Но царь и вся родня
Любили Душеньку без меры,
Без ней приятного не проводили
дня, —

Могли ль предать ее на мщенье
Венеры?

И все в единый глас

Богине на отказ
Возопияли смело,
Что то несбыточное дело.
Иные подняли на смех ее олтарь,
Другие стали горько плакать;
Другие ж, не дослушав, такать,
Когда лишь слово скажет царь.
Иные Душеньке в утеху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыд богинь ее боготво-
рили;
И что Венеры к ней и ненависть и
месть
Ее умножат честь.
Царевне ж те слова, хотя и лест-
ны были,
Но были бы милей,
Когда бы их сказал какой любов-
ник ей.
От гордости она скрывала
Печаль свою при всех глазах,
Но в тайне часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, в горестных слезах,
К Амуру вопияла:
«Амур, Амур, веселий бог!
За что ко мне суров и строг?»

Давно ли все меня искали?
Давно ли все меня ласкали?
В победах я вела часы,
Могла пленять, любить по воле;
За что теперь в несчастной доле?
К чему полезны мне красы?
Беднейшая в полях пастушка
Себе имеет пастуха:
Одна лишь я не с кем не дружка,
Не быв дурна, не быв лиха!
Одной ли мне любить зазорно?
Но если счастье толь упорно
И так судили небеса,
То лучше мне идти в леса,
Оставить всех людей отныне
И кончить слезну жизнь в пусты-
не!»

Меж тем, как Душенька, тая
свою печаль
От всех своих родных уйти собира-
лась вдаль,
Они ее бедой не менее крушились
И сами ей везде искали женихов;
Но всюду женихи страшились
Гневить Венеру и богов,
Которы, видимо, противу согла-
сились.
Никто на Душеньке жениться не

хотел,
Или никто не смел.
Впоследствии сродники советовать
решились
Спросить Оракула о будущих судьбах.
Оракул дал ответ в порядочных
стихах,
И к ним жрецы-пророки
Прибавили свои для толку строки;
Но тем ответ сей был не мене
бестолков,
И слово в слово был таков:
«Супруг для Душеньки, назначенный
судьбами,
Есть то чудовище, которо всех
язвит,
Смущает области и часто их крушит,
И часто рвет сердца, питаясь
слезами,
И страшных стрел колчан имеет
на плечах:
Стреляет, ранит, жжет, оковы
налагает,
Коль хочет — на земли, коль хочет
— в небесах,

И самый Стикс ему путей не преграждает.

*Судьбы и боги все, определяя так,
Сыскать его дают особо верный
знак:*

*Царевну пусть везут на самую
вершину*

*Неведомой горы, за тридесять зем-
мель,*

*Куда еще никто не хаживал до-
сель,*

*И там ее одну оставят на судьби-
ну,*

*На радость и на скорбь, на жизнь
и на кончину».*

*Такой ответ весь двор в боязнь и
скорбь привел,*

*Во всех сомнение и ужас произвел.
«О праведные боги!*

*Возможно ль, чтобы вы толико
были строги?*

*И есть ли в том какая статья,
Чтоб Душеньку навек чудовищу
отдать,*

*К которому никто не ведает до-
роги?» —*

Родные тако все гласили во сле-

зах;
И кои знали всяки сказки,
Представили себе чудовищ злых
привязки,
И лютой смерти страх,
Иль в лапах, иль в зубах,
Где жить ей будет тесно.
От нянек было им давно не безыз-
вестно
О существе таких и змеев и духов,
Которы широко гортани разева-
ют,
И что притом у них видают
И семь голов, и семь рогов,
И семь, иль более хвостов.
От страхов таковых родные воз-
мущались;
Потом, без дальних слов,
Зывали множеством различных
голосов;
Царевну проводить до места обе-
щались,
И с нею навсегда заранее проща-
лись.
Не знали только где была бы та
гора,
К которой Душеньку отправить
надлежало;

Оракул не сказал, или сказал, да
мало,
В какую там явиться пору,
И как зовут такую гору?
Синай или Ливан, иль Тавр, или
Кавказ?
И кои в Душеньке высокий разум
чтили,
Догадываясь, мнили,
Что должно ехать ей, конечно, на
Парнас.
Они слышались, что некоторые
музы
Имели с ней союзы;
Что Душенька от них училась
песни петь
И таинства красот парнасских
разуметь;
Но те, которые историю читали,
Противу предлагали,
Что музы исстари проводят в
девстве век,
И никакой туда не ходит человек,
Что там нельзя найти ей мужа,
К тому ж от севера бывает ча-
сто стужа,
И у Кастальских вод
Хоть там дороги святы,

Нередко замерзал народ.
Иные, изобразив жарчайшие кли-
маты,
Хотели Душеньку во Африку вез-
ти,
Где ведали, что есть чудовищи в
чести;
Притом, последуя Оракулову гла-
су,
Хотели именно вести ее к Атла-
су,
Узнав, что та гора, касаяся небес,
Издревле множеством прослави-
лась чудес;
И мнили, что, по сей примете,
Оракул точно так сказал в своем
ответе.
Тогда смелейшие из плачущей
родни
Представили, храня ее цветущи
дни,
Что Душеньку легко там могут
змеи скушать;
И громогласно все, без дальнего
суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракул сам
не ведит

И что Оракул бредит.

*В совете наконец
Родня царевина, и паче царь-отец,
За лучшие ставили, богов проти-
вась власти,
Терпеть гонения и всякие напа-
сти,
Чем Душеньку везти
На жертву без пути.
Но Душенька сама была велико-
душна,
Сама Оракулу хотела быть по-
слушна.
Иль, может быть и так, чтоб
мне не обмануть,
Она, прискучив жить с родными
без супруга,
Искала наконец себе такого дру-
га,
Кто б ни был, где ни будь;
И чтоб родным была видна ее
услуга,
В решительных словах сама ска-
зала им:
«Я вас должна спасти несчаст-
и-ем моим.
Пускай свершается со мною выш-*

ня воля;
И если я умру, моя такая доля». Меж тем как Душенька вещала так отцу,
И царь и весь совет пустились плакать снова
И в скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слез у всех ручьились по лицу.
Но самую печаль в прегорестнейшем плаче,
Впервые зрел, кто зреть тогда царицу мог:
Рвалась и морщилась она пред всеми паче
И, память потеряв, валялась как без ног;
Иль в горести, теряя меру,
Ругала всячески Венеру;
Иль, крепко в руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко пред народом
И всем своим клялася родом,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова,
И что ни для какого чуда

Не пустит дочери оттуда.
Хотя ж кричала то во всю гор-
танну мочь,
Однако вопреки Амур, судьбы и бо-
ги,
Оракул и жрецы, родня, отец и
дочь
Велели сухари готовить для доро-
ги.

Во время оных лет
Оракул в Греции столь много по-
читался,
Что каждый исполнять слова его
старался
И сам искал себе преднареченных
бед,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать воз-
можно.
Царевна оставляет град;
В дорогу сказан был наряд.
Куда? От всех то было тайно.
Царевна наконец умом
Решила неизвестность в том,
Как все дела свои судом
Она решила обычайно,
Сказала всей своей родне,

Чтоб только в путь ее прилично
снарядили
И в колесницу посадили,
Пусть по воле лошадей,
Без кучера и без возжсей:
«Судьба, — сказала, — будет пра-
вить,
Судьба покажет верный след
К жилищу радостей иль бед,
Где должно вам меня оставить»
По таковым ее словам
Не долго были сборы там.
Готова колесница,
Готова царска дочь, и вместе с
ней царица,
Котора Душеньку не могли удер-
жать,
Желает провожать.
Тронулись лошади, не ждав себе
уряда:
Везут ее без поводов,
Везут с двора, везут из града
И, наконец, везут из крайних горо-
дов.
В сей путь, короткий или даль-
ний,
Устроен был царем порядок по-
гребальный.

Шестнадцать человек несли во-
круг свечи
При самом свете дня, подобно как
в ночи;
Шестнадцать человек с печаль-
ною музыкой,
Унывный пели стих в протяжно-
сти великой;
Шестнадцать человек, немного
тех позадь,
Несли хрустальную кровать,
В которой Душенька любила по-
чивать;
Шестнадцать человек, поклавши
на подушки,
Несли царевины тамбуры[8] и ко-
клюшки,
Которы клала там сама цари-
ца-мать,
Дорожный туалет, гребенки и бу-
лавки
И всякие к тому потребные при-
бавки.
Потом в параде шел жрецов уса-
стых полк,
Стихи Оракула неся перед собою.
Тут всяк из них давал стихам раз-
личный толк,

И всяк желал притом скорей дойти к покою.
За ними шел сигклит[9] и всяк высокий чин;
Впоследствии ехала печальна колесница,
В которой с дочерью сидела мать-царица.
У ног ее стоял серебряный кувшин;
То был плачевный урн, какой старинны греки
Давали в дар, когда прощались с кем навеки.

Отец со ближними у колесницы шел,
Богов прося о всяком благе,
И, предавая судьбам расправу царских дел,
Свободно на пути вздыхал при каждом шаге.
Взирая на царя, от всех сторон народ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
С царевной шел в поход.
Иные хлипали, другие громко вы-

ли,
Не ведая, куда везут и дочь и
мать;
Другие же по виду мнили,
Что Душеньку везут живую по-
гребать.
Иные по пути сорили
Пред нею ветви и цветы,
Другие тут же гимны пели,
Прилично славя красоты,
Какие в первый раз узрели;
Другие ж божеством
Царевну называли
И, возвратяся в дом,
За диво возвещали.
Вотще жрецы кричали,
Что та царевне честь
Прогневает Венеру,
И, следуя манеру,
Толчком, и как ни есть,
Хотели прочь отвести
Народ от сей напасти;
Но все противу власти,
Забыв Венеры вред
И всю возможность бед,
Толпами шли насильно
За Душенькою вслед
Усердно и умильно.

Уже, чрез несколько недель,
Проехали они за тридевять зе-
мель,
Но ни единого пригорка не видали,
И кои более устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.
Впоследствии, едучи путем и вдоль и
вкруг,
К одной горе они лишь только
подступили,
Тут сами лошади остановились
вдруг
И далее не шли, сколь много их не
били.
Тут все судеб тогда признаки на-
ходили;
Признаки те жрецы согласно под-
твердили,
И все сказали вдруг, что должно
точно там,
На высоте горы, Оракуловым сло-
вом,
Оставить Душеньку у неба под по-
кровом.
Вручают все ее хранителям-бо-
гам,
Ведут на высоту по камням и пес-

кам,
Где знака нет дороги,
Едва подъявля вверх свои усталые
ноги,
Чрез камни, чрез бугры и чрез глу-
боки рвы,
Где нет ни лесу, ни травы,
Где алчные рыкают львы.
И хоть жрецы людей к отваге
Увещевали в сих местах,
Но все, при каждом шаге,
Встречали новый страх:
Ужасные пещеры,
И кверху крутизны,
И к бездне глубины,
Без вида и без меры.
Иным являлись там мегеры,
Иным летучи дромадеры,
Иным драконы и церберы,
Которы ревами, на разные мане-
ры,
Глушили слух,
Мутили дух.
Таков был путь, куда царица то-
ропилась,
Куда вся свита вслед за ней, крях-
тя, толпилась.
Осталась позади одна цари-

ца-мать,
Не могли далее полугоры ша-
гать,
И с Душенькой навек поплакав
там, простилась.
При трудностях тогда царевнина
кровать
В руках несущих сокрушилась,
И многие от страха тут,
Имея многий труд,
Немало шапок пороняли,
Которы наподхват драконы по-
жжирали.
Иные по кустам одежды изодрали
И, наготы имея вид,
Едва могли прикрыть от глаз
сторонних стыд.
Осталось наконец лишь несколь-
ко булавок
И несколько стихов Оракула для
справок.
Но можно ль описать пером
Царя тогда с его двором,
Когда на верх горы с царевной все
явились?
Читатель сам себе представит
то умом.
Я только лишь скажу, что с нею

все простились;
И напоследок царь, согнутый
скорбью в крюк,
Насильно вырван был у дочери из
рук.

Тогда и дневное светило,
Смотря на горесть сих разлук,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный в мире круг
И в воды спрятаться спешило.
Тогда и ночь,
Одну увидев царску дочь,
Покрылась черным покрывалом
И томнейшим лучом едва светя-
щих звезд
Открыла в мрачности весь ужас
оних мест.
Тогда и царь скорей предпринял
свой отъезд,
Не ведая конца за толь слепым
началом.

Книга вторая

Но где возьму черты
Представить страх, какой явля-
ла вся природа,
Увидев Душеньку в пространстве
темноты,

Оставшу без отца, без матери,
без рода,
И, словом, вовсе без людей,
Между драконов и зверей?
Тут все что царска дочь от няню-
шек слыхала
И что в чудеснейших историях чи-
тала,
Представилось ее смущенному
уму.
Страшилища духов, волшебные
призраки
Различных там смертей являли
ей признаки
И мрачной ночи сей усугубляли
тьму.
Но Душенька едва уста свои от-
крыла
Промолвить жалобу, не высказав
кому,
Как вдруг чудесна сила
На крылех ветренных взнесла ее
над мир.
Невидимый Зефир,
Ее во оный час счастливый похи-
титель,
И спутник и хранитель,
Неслыханну дотоль увидев красо-

ту,
Запомнил Душеньку уведомить
сначала,
Что к ней щедротна власть то-
гда повелевала
Ее с почтением восхитить в высо-
ту;
И, мысли устремив к особенному
диву,
Взвевал лишь только ей покровы
на лету.
Увидя ж Душеньку от страха еле
живу,
Оставил свой восторг и страх ее
пресек,
Сказав ей с тихостью, преличною
Зефиру,
Что он несет ее к блаженнейше-
му миру —
К супругу, коего Оракул ей прорек;
Что сей супруг давно вздыхает
без супруги;
Что к ней полки духов
Назначены в услуги,
И что он сам упасть к ногам ее
готов,
И множество к тому прибавил
лестных слов.

Амуры, кои тут царевну окружа-
ли,
И уст улыбками и радостьми
очес
Отвсюду те слова согласно под-
тверждали.
Не в долгом времени Зефир ее воз-
нес
К неизвестному ей селению небес,
Поставил средь двора, и вдруг от-
толь исчез.
Какая Душеньке явилась тьма чу-
дес!
Сквозь рощу миртовых и пальмо-
вых деревьев
Великолепные представились чер-
тоги,
Блестящие среди бесчисленных
огней,
И всюду розами усыпаны дороги;
Но розы бледный вид являют пе-
ред ней
И с неким чувствием ее лобзуют
ноги.
Порфирные врата, с лица и со
сторон,
Сафирные столпы, из яхонта бал-
кон,

Златые купола и стены изумруд-
ны

Простому смертному должны
казаться чудны:

Единым лишь богам сии дела не
трудны.

Таков открылся путь — чита-
тель, примечай —

Для Душеньки, когда из мрачней-
шей пустыни

Она, во образе летящей вверх бо-
гини,

Нечаянно взнеслась в прекрасный
некий рай.

В надежде на богов, бодряся их
признаком,

Едва она ступила раз,

Бегут на встречу к ней тотчас

Из дому сорок нимф в наряде оди-
наком;

Они старались приход ее стеречь;

И старшая из них, с пренизким ей
поклоном,

От имени подруг почтительней-
шим тоном

Сказала должную приветствен-
ную речь.

Лесные жители своим огромным

хором
Потом пропели раза два,
Какие слышали похвальны ей сло-
ва,
И к ней служить летят амуры
всем собором.
Царевна ласкова, на каждую ей
честь,
Ответствовала всем то знаком,
то словами.
Зефиры, в тесноте толкаясь го-
ловами,
Хотели в дом ее привести или
принести;
Но Душенька им тут велела
быть в покое
И к дому шла сама среди различ-
ных слуг,
И смехов и утех, летающих во-
круг.
Читатель так видал стремли-
вость в пчельном рое,
Когда юничный род[10], оставя
старых пчел,
Кружится, резвится, журчит и
вдаль летает,
Но за царицею, которую почитает,
Смирясь, летит на новый свой

удел.

Царевна посреди сих почестей от-
менных
Не знала, дух ли был иль просто
человек
Обещанный супруг, властитель
мест блаженных,
Которого пред сим Зефир в словах
смятенных
Отчасти предвестил, но прямо не
нарек.
Вступая в дом, она супруга зреть
желала
И много раз о нем служащих во-
прошала;
Но вся сия толпа, котора с нею
шла
Или вокруг летала,
Уведомить ее подробней не мог-
ла,
И Душенька о том в незнании бы-
ла.
Меж тем прошла она крыльцовые
ступени
И введена была в пространнейшие
сени,
Отколь во все края, сквозь мно-

жество дверей,
Открылся перед ней
Прекрасный вид аллея,
И рощей, и полей;
И более потом высокие балконы
Открыли царство там и Флоры и
Помоны,
Каскады и пруды,
И чудные сады.
Оттуда сорок нимф вели ее в чер-
тоги,
Какие созидать удобны только
боги,
И тамо Душеньку, в прохладе от
дороги,
В готовую для ней купальню при-
вели.
Амуры ей росы чистейшей принес-
ли,
Котору, вместо вод, повсюду со-
бирали.
Зефиры воздух там дыханьем со-
гревали,
Из разных аромат вздували пузы-
ри
И благовонные устраивали мыла,
Какими моются восточные цари
И коих ведома бодрительная си-

ла.

Царевна в оный час, хотя и со
стыдом,

Со спором и трудом,

Как водиться при том,

Взирая на обновы,

Какие были там на выбор ей го-
товы,

Дозволила сложить с красот свои
покровы.

Полки различных слуг, пред тем
отдав поклон,

Без вздохов не могли оттуда вый-
ти вон,

И даже за дверьми, не быв тогда в
услуге,

Охотно след ее лобзали на досуге.

Зефиры лишь одни, имея вход вез-
де,

Зефиры хищные, затем что ро-
стом мелки,

У окон и дверей нашли малейши
щелки,

Прокрались между нимф и спря-
тались в воде,

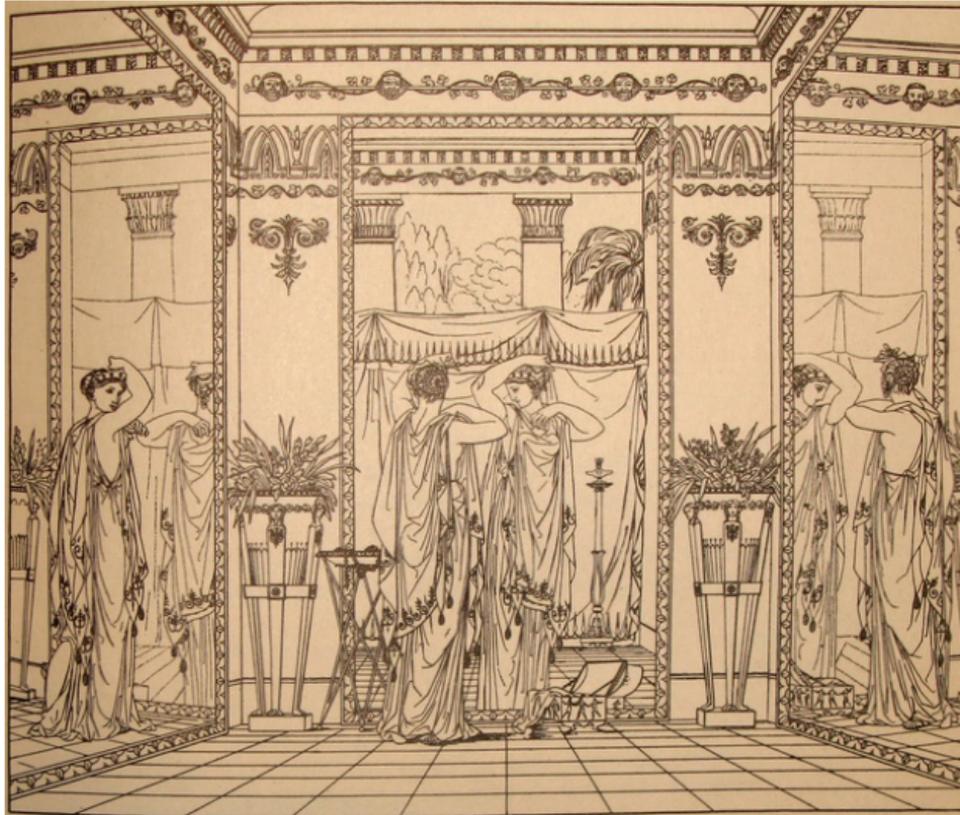
Где Душенька купалась.

Она пред ними там во всей красе
являлась,

Иль паче — им касалась;
Но Душенька о том никак не догадалась.

Зефиры! коих я пресчастливыми
чту,
Вы, кои видели царевны красоту;
Зефиры! вы меня как должно на-
учите
Сказать читателям, иль сами вы
скажете
И части, и черты,
И все приятности царевнины по-
дробно,
Которых мне пером представить
неудобно;
Вы видели тогда не сон и не меч-
ты...
Но здесь молчите вы... молчанье
разумею.
К изображению божественных да-
ров
Потребен вам и мне особый дар
богов;
Я здесь красот ее описывать не
смею.

Душенька перед зеркалом.

*Гравюра Ф. Толстого. 1821 г.
Государственный музей изобразитель-
ных искусств имени А. С. Пушкина.*

*Царевна, вышедши из бани нако-
нец,
Со удовольствием раскидывала
взгляды
На выбранны для ней и платья и
наряды,*

И некакой венец,
Ее одели там, как царскую особу,
В богатейшую робу[11].
Нетрудно разуместь, что для ее
услуг
Горстями сыпались каменья и
жемчуг,
И всяки редкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно
приносила;
Иль Душенька тогда лишь толь-
ко что помнила,
Желаемая вещь пред ней являлась
вдруг;
Пленяясь своим прекраснейшим
нарядом,
Желает ли она смотреться в зер-
кала —
Они рождаются ее единым взгля-
дом,
И по стенам пред ней стоят вели-
ким рядом,
Дабы краса ее удвоена была.
Увидев там себя лицом, плечом и
задом,
От головы до ног,
Легко могла судить царевна на
досуге

О будущем супруге,
Что он, как видно, был гораздо не
убог.

Меж тем к ее услуге
В особой комнате явился стол го-
тов;

Приборы для стола, и ествы и на-
питки,

И сласти всех родов
Являли там вещей довольство и
избытки;

Не менее и то, что только для
богов,

В роскошнейшем жилище
Могло служить к их пище,
Стояло перед ней во множестве
рядов;

Иной вкусив, она печали забывала,
Другая ей красот и силы придава-
ла.

Амуры, бегая усердие явить,
Хозяйки должности старались
разделить:

Иной во кравчих был[12], другой
носил посуду,

Иной уставливал, и всяк совался
всюду;

И тот считал себе за превысоку

честь,
Кому из рук своих домова их боги-
ня
Полрюмки нектару изволила под-
нести,
И многие пред ней стояли рот ра-
зиня,
Хотя амуры в том,
По правде, жадными отнюдь не
почитались
И боле, нежели вином,
Царевны зрением в то время
услаждались.
Меж тем над ней с верхов,
В чертогах беспечальных,
Раздался сладкий звук орудий му-
зыкальных
И песен ей похвальных,
Какие мог творить лишь только
бог стихов.
Вначале райские певицы
Воспели красоту сей новой их ца-
рицы.
Читатель знает сам, приятна ль
ей была
Такая похвала;
Но, впрочем, Душенька решить не
возмогла,

Приятство ль голосов, достоинство
ль скрипицы,
Согласие ли арф, иль флейту пред-
почесть, —
В искусстве все они имели равну
честь,
И все исполнены единым были ду-
хом,
Чтоб Душенька в раю
Познала часть свою
Прикосновением, устами, оком,
слухом;
Коль можно почитать за правду
все слова,
У греков есть молва,
Что будто бы к сему торже-
ственному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфи-
он,
И будто, в Душеньку влюбясь по
разбору,
Играл и правил там оркестром
Аполлон.
Впоследствии хор певиц, протяжи-
стым манером,
С приличным некаким размером,
Воспел стихи, возвысив тон,
Толико медленно, толико слуху

внятно,
И их сложение пленяло толь при-
ятно,
Что Душенька легко слова переня-
ла,
Легко упомянуть их могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впоследствии распу-
стила.
Потом нескромные зефиры раз-
несли
Стихи сии оттоль по всем кон-
цам земли;
Потом же таковы и к нам они до-
шли:
«Любови все сердца причастны.
И сами боги ей подвластны.
Познай ты, Душенька, любовь,
И счастье познаешь вновь».

Трикратно песня та пред Душень-
кой пропета,
И пели, наконец, царевне многа
лета.
Потом одна из нимф явилась до-
ложить,
Что время ей уже в постеле опо-
чить.

При слове «опочить» царица по-
краснела

И, как невеста, оробела,

Однако спорить не хотела.

Раздета Душенька; ведут ее в чер-
тог,

И там, как надобно к покою от
дорог,

Кладут ее в постель на некоем
престоле

И, поклонившись ей, уходят все
оттоле.

Незнаемо отколь, тогда явился
вдруг

В невидимом лице неведомый су-
пруг.

А если спросят, как невидимый
явился, —

Нетрудно отвечать: явился он
впотьмах

И был в объятиях, но не был он в
очах;

Как дух или колдун он был, но не
открылся.

Никто не смел раскрыть завесы
дел ночных.

Не знаю, что они друг с другом го-

ворили,
Ни околичностей, при том какие
были;
Навеки тайна та осталась меж-
ду их.
Но только поутру заметили
амуры,
Что нимфы меж собой смеялись
под тишком,
И гостья, будучи стыдлива от на-
туры,
Казалась между их с завешенным
ушком.

Супружество могло царевне быть
приятно,
Лишь только таинство казалось
непонятно:
Супруг у Душеньки, сказать, и был
и нет;
Приехал ночью к ней, уехал до рас-
света,
Без имени без лет,
Без росту, без примет,
И вместо должного ответа,
Скрывая, кто он был, на Душень-
кин вопрос
Просил, увещевал, для некаких ей

гроз,
Чтоб видеть до поры супруга не
желала;
И Душенька не знала,
С каким чудовищем иль богом но-
чевала,
Неслыхан был подобный брак.
Царевна, думая и так о том и сяк,
Развязку тайны сей в Оракуле ис-
кала;
Оракул ей давно супруга описал
Страшилищем ужасным:
Супруг с Оракулом казался быть
согласным,
Как будто он себя затем и не ка-
зал.
Хотя же Душенька противно б ра-
зумела,
Касавшись до супружня тела,
Хотя б казалось ей
Из всех его речей,
Что будто не был он страшили-
щем очей, —
Но так Оракул рек и так вещали
боги,
Что сей супруг ее наносит всюду
страх.
Или зверины ноги,

Иль когти на руках,
Иль гнусную фигуру,
Так лучше Душеньке уroda тако-
ва,
Который всю страшит натуру
Не видеть и не знать, пока она
жива.

Меж тем как Душенька в постеле
Не знала, как решить о деле,
Заря гнала ночную тень,
И светлый вид воспринял день;
Но свет тогда не мог забавить
Смущенную цареву дочь,
Которая минувшу ночь
В забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сон, не дожидаясь
ночи,
Поутру вновь сомкнул ее прекрас-
ны очи.

Потом, летаючи вокруг ее лица,
Явил супруга ей со всею красотою

Со стройством, нежностью, до-
родством, белизною,
С румянцем краше багреца:
Явил подобие молодого Аполлона,
Иль, можно так сказать, пре-
красна Купидона,

В восемнадцать лет иль так по-
чти,
Что был он близко двадцати,
И был во всей красе и славе.
Царевна, в оном сне обманута
мечтой,
Супруга чаёт видеть въяве,
Хватает тень, кричит: постой!
Призра́к в восторг её приводит,
Но сей призра́к от неё уходит,
Как будто б удалялся он.
Она зовет, бежит и беглеца хва-
тает.

Сие движение впоследствии прерыва-
ет
Ее неверный сон:
И Душенька в руках, проснувшись,
ощущает,
Наместо беглеца, свой спальный
балахон.

Известно, что тогда супруг, со-
крывшись тамо,
Желал подслушивать ее любов-
ный бред,
Но рок свиданию противился
упрямо;
Царевна видела супружний толь-

ко след,
И только было то приметить ей
возможно,
Что он гостил у ней неложно,
Что он в отсутствии оставил ей
любовь
И что любовью сей она тогда сго-
рала.
«Но кто таков был он? но
кто?» — твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала.
И сон опять, кружась над нею с
тишиною,
Спокоил мысль ее приятною меч-
тою
В другой, как в первый, раз.
Не знаю, долго ли мечта сия про-
длилась,
Но Душенька от сна не прежде
пробудилась,
Как полдень уж прошел и после
полдня час.
Тогда служащие девицы всем со-
бором
Царевну вновь одеть пришли
И сорок платьев принесли
Со всем к тому прибором.
В сей день она себе назначила на-

ряд,
Который был простее,
Затем, что Душенька спешила по-
скорее
Увидеть редкости чудесных сих
палат.
Я, в том последуя царевнину уста-
ву,
Сей дом представить поспешу
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей там
принести забаву.
Вначале Душенька по комнатам
пошла,
И, тамо бегая, нигде не пробежа-
ла
Покоя, ни угла,
В котором бы она на час не побы-
вала;
Оттуда в бельведер[13], оттуда
на балкон,
Оттуда на крыльцо, оттуда вниз
и вон,
Чтоб видеть дом со всех сторон.
Толпа девиц за ней бежать не
успевала,
Земфиры лишь одни ей следовать
могли

И Душеньку везде, как должно, бергли,
Чтоб как ни есть она, бежавши,
не упала.
Она смотрела раза три
Сей дом снаружи и внутри.
Меж тем зephyры и амуры
Казали ей архитектуры
И всяки редкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая
вкруг,
Желала видеть вдруг,
И что смотреть не знала;
Одна перед другой со спором взор
пленяла,
И Душенька б еще пошла по всем
местам,
Когда б от бегу там
Впоследок не устала.

Во отдыхе ж она от сих тогда
трудоу
Смотрела статуи славнейших
мастеров:
То были образцы красавиц бесподобных,
Которых имена, и в прозе, и в стихах,

*В различных повестях, и кратких
и подробных,
Бессмертно царствуют в народах
и веках.*

*Калисто[14], Дафния, Армида[15],
Ниобея,
Елена, Грации, Ангелика[16], Фри-
нея[17]*

*И множество других богинь и
смертных жен,*

*Очам являясь живо,
Во всей красе на диво
Стояли там у стен.*

*Но посредине их в начале,
На некоем высшем пьедестале
Самой царицы лик стоял
И более красотой другие превы-
шал.*

*Смотря на образ свой, она сама
дивилась*

И вне себя остановилась!

*Другая статуя казалась в ней то-
гда,*

*Какой вовеки свет не видел нико-
гда.*

*Конечно, Душенька и доле б так
осталась*

Смотреть на образ сей,
Которым обольщалась;
Но слуги, бывшие при ней,
В других местах казали ей,
Для новой глаз ее забавы,
Другие образы красот ее и славы:
До пояса, до ног, в весь рост, до са-
мых пят,
Из золота, из серебра, из бронзы
иль из стали,
И головы ее, и бюсты, и медали;
А инде мозаик, иль мрамор, иль
агат
В сих видах новую бесценность
представляли.

В других местах Апелл[18], иль
живописи бог,
Который кисть его водил своей
рукою,
Представил Душеньку со всею кра-
сотою,
Какой дотоле ум вообразить не
мог.
Желает ли она узреть себя в кар-
тинах?
В иной — фауны[19] к ней несут
Помонин рог[20],

И вяжут ей венки, и рвут цветы в
долинах,
И песни ей дудят, и скачут в кру-
говинах;
В другой — она, с щитом пре-
сташным на груди,
Палладой наряжась, грозит на ло-
шади,
И, боле чем копьем, своим пре-
красным взором
Разит сердца приятным мором.
А там пред ней Сатурн, без зуб,
плешив и сед,
С обновою морщин на старолет-
ней рожке,
Старается забыть, что он дав-
нишний дед,
Прямит свой дряхлый стан, же-
лает быть моложе,
Кудрит оставшие волос своих
кочки,
И видеть Душеньку вздевает он
очки;
А там она видна, подобясь цари-
це,
С амурами вокруг, в воздушной ко-
леснице.
Прекрасной Душеньки за честь и

красоту
Амуры там сердца стреляют на
лету;
Летят великою толпою,
И все они несут колчаны за плеча-
ми,
И все, прекрасными гордясь ее оч-
ми,
Летят, поднявши лук, на целый
свет войною.
А там свирепый Марс, рушитель
мирных прав,
Увидев Душеньку, являет тихий
нрав:
Полей не обагрят кровью,
И наконец, забыв военный свой
устав,
Смягчен у ног ее, пылает к ней
любовью.
А там является она среди утех,
Которы ей везде предходят
И вымыслами игр повсюду произ-
водят
В лице ее приятный смех.
А инде грации царевну окружают,
Ее различными цветами украша-
ют,
И тихо вокруг ее летающий зефир

Рисует образ сей, чтоб им укра-
сить мир;
Но в ревности от взглядов воль-
ных,
Умеривая ум любителей свобод
Иль будто бы странясь от кри-
тик злосрамольных,
Скрывает в списке он большую
часть красот;
И многие из них, конечно чудеса-
ми,
Пред Душенькою вдруг тогда пи-
сались сами.
Везде в чертогах там
Царевниным очам
Торжественны ей в честь встеча-
лись предметы:
Везде ее портреты
Являлись по стенам,
В простых уборах и нарядных
И в разных платьях маскарадных.
Во всех ты, Душенька, нарядах хо-
роша:
По образу ль какой царицы ты
одета,
Пастушкою ли где сидишь у шала-
ша,
Во всех ты чудо света,

Во всех являешься прекрасным бо-
жеством,
И только ты одна прекраснее
портрета.
Потомство ведаёт, что сей чу-
десный дом,
Где жители тебя усердно обожа-
ли,
Сей храм твоих красот амуры со-
ружали,
Амуры украшали,
Амуры образ твой повсюду там
казали,
Амуры, наконец,
Примыслили к лицу, на всякий об-
разец,
Различные уборы,
Могущие привлечь твои прелест-
ны взоры.
Угоден ли какой наряд
И надобны ль тебе обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примечен взгляд,
И из твоей воздушной свиты
Зефир пришел тебе донести,
Что все обновы были сшиты, —
Когда прикажешь их принести?

Желал бы описать подробно
Другие редкости чудесных сих па-
лат,
Где все пленяло взгляд
И было бесподобно;
Но всюду там умом
Я Душеньку встречаю,
Прельщаюсь и потом
Палаты забываю.
Не всяк ли дом, не всяк ли край
Ее присутствием преобразался в
рай?
Не ею ль рай имел и бытность и
начало?
И если я сказал о сих палатах ма-
ло,
Конечно в том меня читатели
простят;
Я должен следовать за Душень-
кую в сад,
Куда она влечет и мысли всех и
взгляд.

В счастливых сих местах земля
была нагрета
Всегдашним жаром лета,
И щедро в круглый год
Произрощала плод

Без всяких непогод.
Толпа к царевне слуг навстречу
прилетела,
И каждый тщился там не быть
при ней без дела:
Водить, рассказывать иль просто
забавлять.
Весь двор внимал тому, что Ду-
шенька хотела
Побегать, погулять;
И в рощах иль в садах, где только
лишь являлась,
Ее пришествием натура обновля-
лась:
Древа склоняли к ней листья,
Как будто бы тогда влечение по-
знали,
И тихим шумом лишь друг другу
возвещали
Под тению своей царевны красо-
ты;
И травы и цветы,
Раскидываясь вновь, в сей день,
для них приятный,
Удвоили в садах свой запах аро-
матный.
Но боле там ясмин[21] пред про-
чими блистал

*И где царевна шла, навстречу вы-
растал.*

*Она ясминный дух с отменою лю-
била,*

*И те цветы себе в букет употре-
била.*

*Счастливый сей букет приколон-
ный на грудь,*

*Как будто, оживлен клонился к
ней прильнуть.*

*Приникли хоры птиц, подслушав
шум древесный,*

*И за амурами стремились в путь
известный,*

Чтоб Душеньку увидеть вблизи;

Одни над нею вокруг вились,

Другие перед ней летали

*И много меж собой в сем диве ще-
бетали.*

*Не видно было там ночных зло-
вещных птиц,*

Нижé угрюмых лиц;

*Не смели приставать сварливые
сатиры,*

И веяли одни тишайшие зephyры.

*Фонтаны силились подняться в
высоту,*

Чтоб лучше видеть им царевны

красоту,
Которую толпа окружна заслоня-
ла;
И если Душенька вблизи от них гу-
ляла,
Они стремились пасть с высот к
ее ногам.
В водах плескаючись, наяды
Нетерпеливо ждали там
Ее пришествия к счастливым их
брегам.
Иные взлезли на каскады
Смотреть на путь ее, главы свои
подняв,
И, Душеньку узрев, бросались к ней
стремглав;
В сем общем торжестве природы
И сами каменны над токами фи-
гуры,
От удивления везде разинув рот,
Из внутренностей вдруг пускали
много вод.
Сей вид представил ей различных
тварей род
В изображениях неисчислимо
многих:
Ползущих, скачущих, пернатых,
четверногих;

И все творения и чуды естества
Явились тогда в счастливой сей
державе
К услугам Душеньки, или к ее за-
баве,
Иль к славе торжества.
Оттуда шла она в покрытые ал-
леи,
Которые вели в густой и темный
лес.
При входе там, в тени развеси-
стых деревьев,
Открылись новые художные за-
теи.
Богини, боги, феи,
Могучие богатыри
И славные цари
В былях и в небылицах
Являлись тамо в лицах,
Со описанием, откуда, кто, каков.
И, словом, то была история ве-
ков.
Притом услужные амуры
Различны повести старались рас-
сказать;
И тамо Душенька, среди чудес на-
туры,
Нашла в явлениях свой род, отца

и мать;
И с самой точностью, в безлюд-
ной сей пустыне,
Весь мир являлся ей, как будто на
картине.

Хотя ж гулянье по лесам
Особо Душенька любила
И после каждый день ходила,
Со свитой и одна, к тенистым
сим местам,
Но в сей начальный день не шла в
густые рощи,
Иль ради наступившей ночи,
Или, не зря дороги в лес,
Боялась всяких там чудес,
Иль нежные в ходьбе ее устали
ноги;
И Душенька оттоль пошла назад
в чертоги.
Не стану представлять
Читателю пред очи
Приятны сны ее в последовавши
ночи;
Он сам удобно их возможет отга-
дать.
Но дни бывали там причиною раз-
луки,
И дни, среди утех, свои имели ску-

ки.
По слуху, говорят,
Что Душенька тогда пускалася в
наряд;
Особо же во дни, когда собиралась
в сад,
Со вкусом щеголих обновы надева-
ла.
На свете часто слух имеет прав-
ды склад:
Прилично было то, что Душенька
гуляла
И скуку иногда гульбою прогоня-
ла.

В один из оных дней,
Прошедши в лес далече,
Царевна там на встрече
Увидела ручей,
Который по дуброве,
Как будто бы на зов,
Пред нею вытек внове.
Но красота берегов,
При токе вод хрустальных,
Скрывалась в рощах дальных,
И обольщенный взор
Вела потом до гор,
Откуда чисты токи,

Прервал земли упор,
Давали ей из нор
Растительные соки.
Тогда открылся грот,
Устроенный у вод
По новому манеру;
Он вел потом в пещеру,
Где солнечны лучи
Светили лишь при входе
И где, журча, ключи,
Подобно как в ночи,
Во мрачнейшей свободе
Являли скрытый вид
Иль таинство в природе.
История гласит,
И знают то в народе,
Что Душенька, вошед
В неведомый ей след,
При темном дел начале
Идти не смела дале.
Но чудом тамо вдруг,
Без всякой дальней речи,
Невидимо супруг
Схватил ее под плечи,
И в самой темноте,
На некой высоте
Из дернов зеленистых,
При токах вод ручьистых,

С собою посадил
И много говорил
И прозой и стихами,
Как водится меж нами.
Не ведает никто,
В каких словах на то
Царевна отвечала;
Известно только нам,
Что после к сим местам
Дорожку протоптала.
С тех пор царева дочь
Часы и в день и в ночь
С супругом провождала
И боле всех охот
Любила темный грот.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вместе возвращалась
С супругом в свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла их в облаке густом
Под темным некаким шатром;
И каждый день сих мест царица,
Спокоенная сладким сном,
Пускалась в прежний путь потом
Из дома в грот, из грота в дом.

Но разум требует себе часов сво-

боды,
Скучает проводить в любви целый день
Царевна следуя уставу в том природу.
Тогда изобрела потех различны
роды,
Амуров с нимфами веселы хоровадов,
И жмурки, и плетень[22],
Со всякими играми,
Какие и до днесь остались между нами.
Амуры, наконец, старались изобрестъ,
По вкусу Душеньки, комедии, балеты,
Концерты, оперы, забавны оперетты
И все, что острый ум удобен прои-
звестъ
В счастливых днях и безмятежных
К утехам чувствий нежных.
Во Греции Менандр[23], во Франции Мольер,
Кино[24], Детуш[25], Реньяр[26],
Руссо[27] и сам Вольтер,

В России, наконец, подобный враг
пороков,
Писатель наших дней, почтенный
Сумароков
Театру Душеньки старались под-
ражать,
И в поздних лишь веках могли
изображать
Различны действия природы,
Какие в первый раз явили там
амуры.
Но чтобы длились веселья без по-
мех,
Печальный всякий вид смертей,
скорбей, измены
Неведом был в раю, где царство-
вал лишь смех,
И где, среди утех,
Оставлен был кинжал плачевной
Мельпомены.
Царевна, с возрастом познатель-
нейших лет,
Знакомым прежде ей любила ви-
деть свет
И часто, детские оставивши за-
бавы,
Желала боле знать людские раз-
ны нравы,

*И кто, и как жывал, и с пользой
или нет;*

*Сии познания о каждом человеке
Легко могла найти в своей биб-
лиотеке.*

*Великая громада книг,
И малых и больших,
Ее от чтения сначала отвраща-
ла,*

*Но скоро Душенька узнала,
Что разум ко всему возможно
приучать, —*

*Узнала дельный смысл от шуток
отличать,*

Судить и примечать.

*В историях правдивых
Довольное число нашла прибавок
лживых.*

В писателях систем

Нашла, при всякой смеси,

Довольно вздорной спеси,

*Хоть часто их предлог не кончил-
ся ничем.*

*Нечаянно же ей во оной книг гро-
маде*

*Одну трагедию случилось развер-
нуть, —*

Писатель тщился там слезами

всех тронуть,
И там любовница в печальней-
шем наряде,
Не зная, что сказать, кричала ча-
сто: ах![28]
Но чем и как в бедах
Ее вершился страх?
Она, сказав «люблю», бежала из
покоя
И ахать одного оставила героя.
Царевна там взяла читать еще
стихи,
Но, их читая, как будто за гре-
хи,
Узнала в первый раз уполненную
скуку
И, бросив их под стол, при том
ушибла руку.
Носился после слух, что будто на-
конец
Несчастных сих стихов творец
Указом Аполлона
Навеки согнан с Геликона
И будто Душенька боясь подоб-
ных сук
Иль ради сохраненья рук,
Стихов с неделю не читала,
Хотя любила их и некогда слага-

ла.
Во время такова изгнания стихов,
Когда не члися там ни песни к ней, ни оды,
Желала посмотреть царевна переводы
Известнейших творцов;
Но часто их тогда она не разумела
И для того велела
Исправным слогом вновь амурам перевести,[29]
Чтоб можно было их без тягости прочесть.
Зефиры, наконец, царевне приносили
Различные листки, которые на свет
Из самых древних лет
Между полезными[30] продерзко выходили[31]
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликон.
Царевна, знав кому неведом был закон,
Листомарателей свобод не нарушала,

Но их творений не читала.
Уже три года, как царица про-
возжала
И доле так жила, когда б сей
светлый рай
Желаниям ее возмог соделать
край;
Но любопытный ум, при всякой в
жизни воле,
Нередко слабостью бывает в
женском поле.
Царица, распознав
Супруга своего приятный ум и
нрав,
О нем желала ведать боле:
Во всех свиданьях с ним, по дням и
по ночам
И в облачном полете,
Просила с жалобой, чтоб он ее
очам
Явил себя при свете.
Вотще супруг всегда царицу уве-
рял,
Что он себя скрывал
Для следствий самых важных;
Вотще ей знать давал,
Что он не мог никак нарушить
слов присяжных

И Стиксом клялся в том богам.
Царевна Стиксом насмежалась
И часто удержать старалась
Супруга в доме по утрам,
И часто, сисяся без меры,
На свет тащила из пещеры;
Но он из рук ее тогда,
Как ветер, уходил неведомо куда.
В другие времена такие нежны
споры
Рождали б радости наместо
дальной ссоры;
Но Душенькин супруг тогда неред-
ко был
Задумчив и уныл,
И часто повторял угрюмы разго-
воры,
Являя ей тщету и света и похвал.
Впоследок Душеньку в слезах уве-
щавал,
Чтобы, храня завет среди утех
любовных.
Боялась в том измен от самых
даже кровных;
Что зависть ей беды возможет
нанести,
И, если судит так предел богов
верховных,

Ее от лютых зол не может он
спасти.
Вздыхнув по Душеньке в боязнях
толь суровых,
Супруг едва тогда из дому отле-
тел,
Как некакий зефир, посланный
для дел.
Принес отовсюду к ней пуки изве-
стий новых.
Она уведала, что две ее сестры
Пришли искать ее у страшной
той горы,
Откуда некогда счастливейшим
зефиром
Она вознесена во области над ми-
ром;
Что тамо под горой из множе-
ства пещер
Стращают их драконы,
И что он мог принести царевне
от сестер,
Вернее всех вестей, и письма и по-
клоны.
Зефир! Зефир! Когда б ты знал
Сих злобных сестр коварны ле-
сти,
Конечно бы тогда скрывал

Для Душеньки такие вести!
Почто не встретился какой ли б
скорый дух,
Кому бы ведом был о том подроб-
ный слух
И кто бы, при такой от кровных
ей измене,
Зефиру мог сказать, чтоб он бол-
тал помене?
Но воля в том была небес,
Чтобы зефир, без всякой встречи,
По воздуху ловя на свете всяки ре-
чи,
К царевне с ветром их принес;
И так уставили злодеющи ей бо-
ги,
Чтоб сестр она потом взяла к се-
бе в чертоги.

Обыкши Душенька любить род-
ную кровь
И должную хранить к сестрам
своим любовь,
Супружние тогда забыла все сове-
ты:
Зефиру тот же час, скорее как ни
есть,
Сестер перед себя велела в рай

привести.
Не видя ж никакой коварства их
приметы,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камки, и кро-
вать,
И дом, и все пожитки
И с ними разделить своих бо-
гатств избытки.
Богатство мало веселит,
Когда о том никто не знает,
И радость только тот вкушает,
С другими кто ее делит.

Не в долгом времени царевны к
ней предстали,
И обе Душеньку со счастьем по-
здравиали,
И за руку трясли, и крепко обни-
мали,
И радость изъявляли
С усмешкой на лицах.
Но зависть весь свой яд простерла
в их сердцах,
Представя их очам, как будто
грех природы,
Что младшая сестра за красоту
свою

Живет, господствуя в прекрасней-
шем раю,
И тамо служат ей зефиры и аму-
ры.
К тому сказала им царица с хва-
стовством,
Что там живет она в союзе с бо-
жеством
И что супруг ее любезней Аполло-
на,
Прекрасней Купидона;
Что он из смертных всех красот
На выбор взял ее в супруги;
Что отдал ей во власть летучий
свой народ
И рай в ее услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель ведаёт — когда кого
мы любим,
О том с прибавкой правду тру-
бим.
«Да где ж супруг, скажи?..»
Не зная, что сказать и как себя
оправить,
Сестрам своим в ответ
Царица, покраснев, сказала: «До-
ма нет».
Но как она притом старалась их

забавить,
Легко тогда могли они себе пред-
ставить,
Что Душенькин супруг
Имеет в небе рай, и трон, и много
слуг,
И младость, и красу, и радость
без печали,
И Душеньку на жизнь вознес в
небесный круг;
И то, чего они не знали, не видали,
Завидуя сестре, легко воображали
И с горькой жалобой промеж со-
бой шептали:
«За что супруга ей судьбы такого
дали?
А мы и на земли
Едва мужей нашли,
И те, как деды, стары,
И нам негодны в пары»;
И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тут
хулили
И с повторением впоследствии гово-
рили,
Что Душенька была отнюдь не
хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду
строго,
Очей имеет много
И видит сквозь покров закрытые
дела.
Вотще от сестр своих царевна их
скрывала,
И день, и два, и три притворство
продолжала,
Как будто бы она супруга възяв
ждала:
Сестры темнили вид, под чем он
был не явен.
Чего не вымыслит коварная хула?
Он был, по их речам, и страшен и
злонравен,
И, верно, Душенька с чудовищем
жила.
Советы скромности в сей час она
забыла;
Сестры ли в том виной, судьба ли
то, иль рок,
Иль Душенькин то был порок,
Она, вздохнув, сестрам открыла,
Что только тень одну в супруже-
стве любила;
Открыла, как и где приходит
тень на срок,

И происшествия подробно расска-
зала;
Но только лишь сказать не зна-
ла,
Каков и кто ее супруг,
Колдун, иль змей, иль бог, иль дух.
Коварные сестры тогда, с лицом
усмешным,
Взглянулись меж собой, и сей лу-
кавый взгляд
Удвоил лести яд,
Который был прикрыт приязни
видом внешним.
Они, то с жалостью, то с гневом
и стыдом,
И с неким ужасом сестре вну-
шить старались,
Что в страшных сих местах всего
они боялись,
Что тамо был неистов дом;
Что в нем живут, конечно, змеи
Или злотворны чародеи,
Которые, устроив рай
И все возможные забавы,
Манят людей в сей чудный край
Для сущей их отравы.
К тому прибавили, что будто в
стороне

Поутру видели оне
С домового балкона
Над гротом в воздухе подобие
дракона,
И будто б там летал с рогами
страшный змей,
И будто б искры там он сыпал из
ноздрей,
И в роще, наконец, склонясь у гор
к партеру,
При их глазах пополз, сгибаючись,
в пещеру.
Царевны впоследствии вмешали в раз-
говор
Бесчестье и позор
На будущие роды,
Когда пойдут от ней нелепые уро-
ды
Иль чуды, с коими не можно бу-
дет жить
И кои будут мир страшить.

Во многом Душеньку уверить бы-
ло трудно;
Но правда, что она сама свой
тайный брак
Почесть не знала как:
Ее замужство ей всегда казалось

чудно.
Зачем бы сей супруг скрывался от
людей,
Когда бы не был змей
Иль лютый чародей?
Впоследствии Душенька в задумчиво-
сти мнила,
Что некая в дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что муж ее, как змей, как самый
хищный тать,
При свете никому не смел себя ка-
зать;
Что он не мог иметь ни веры, ни
закона
И хуже был дракона.
Царевна в сей прискорбный час
Забыла райские утехы;
Замолк приятных песен глас,
Уныли радости и смехи.
Злотворных сестр и речь и взгляд
Простерли мрачной скуки яд.
Амуры вдруг вострепетали
И с плачем дале отлетали
От сих любимых им палат.
Царевна там одна с сестрами
В свободе продолжала речь,
И непременно судьбами

Сих слов никто не мог стеречь.
«Могу ль я в свете жить? — ца-
ревна говорила. —
Постыл мне муж и жизнь посты-
ла.
Несчастлива Душенька! ты мнила
быть в раю,
И участь выше всех считала ты
свою;
Но, с родом разлучась и вне земно-
го круга,
Кого имеешь ты супруга?
Волшебный лишь призрак,
Который делает позорнейшим
твой брак
И ужасает всех сокрытым веро-
ломством.
Кого впоследствии ты должна
иметь потомством?
Чудовищ, аспидов иль змей ка-
ких-нибудь.
Но если тако мне предписано
судьбами,
Скорее меч вонжу в мою несчаст-
ную грудь.
Любезные сестры! навек проща-
юсь с вами.
Скажите всем родным подобны-

ми словами,
Что знали от меня, что видели
вы сами;
Скажите, что я здесь обманута
была;
Что я стыжуся жить... скажи-
те — умерла!»
Сестры, как бы уже за злобу каз-
ней ждали,
Советами тогда царевне пред-
ставляли,
Что красных дней ее безвремен-
ный конец,
От наглой хищности вселенну не
избавит,
А после, может быть, толь лю-
тых зол творец
И всех ее родных пожрет или уда-
вит;
И что, вооружась на жизнь свою,
она
Должна пред смертью сей, как
честная жена.
В удобный сонный час убить бы
колдуна.
Но сей поступок был для Душень-
ки опасен,
Противен и ужасен:

Чуждалася она злодейственных
смертей,
И жалость завсегда господство-
вала в ней;
И, может быть, любовь, какой
она стыдилась,
Еще в груди ее таилась.
Убийственный совет царевна по-
луча,
Представила в словах мятущихся
и косных,
Что в доме не было меча,
Ниже каких-нибудь орудий смер-
тоносных;
И как убить в ночи пустую толь-
ко тень.
Котора исчезает в день?
И где достать к сему наряду
С огнем фонарь или лампаду?
В сии печальны дни
Зефиры с вечера гасили все огни.
Сестры решительно и смело от-
вечали
На Душенькину речь,
Что тотчас принесут надежный
самый меч,
И вместе принести лампаду обе-
щали.

Приятна ли ей была готовность
сих услуг,
Приметить было льзя из слов ее
печальных:
Смущенна Душенька тогда без
мыслей дальных
Желала только знать, каков ее
супруг,
И, взоры обращая к саду,
Идущих сестр своих просила мно-
го раз
Не позабыть лампаду.

Уже зephyрам дан приказ
Нести сих сестр к земному шару,
Припрягши в путь бореев пару.
Они, летя из мира в мир,
Мешают с воздухом эфир
И с бурей, дождем и громом
Являются пред неким домом:
То был Кащеев арсенал,
Где с самых древних лет держал-
ся
Волшебный меч или кинжал,
Которым Геркулес сражался,
Когда чудовищ поражал.
Сей меч единым сильным махом
У Гидры девять глав отсек;

Сей меч хранился там под стра-
хом
И в сказках назван Самосек.
Он в крепких был стенах закла-
ден,
Но куплен ли, иль просто взят,
Иль был оттоль тогда украден,
Писатели о том молчат;
Известно только ныне в свете
Что точно он блистал в полете;
Что две царевны, от земли
Приняв воздушные дороги,
Сей меч в Амуровы чертоги
Тогда с лампадой унесли,
И скоро с Душенькой простились,
И скоро в путь домой пустились.
О, если б ведала несчастна царска
дочь,
Колико вредны ей сей меч, сия
лампада!
Амуры ей могли ль советами по-
мочь?
Она бежала их присутствия и
взгляда
И в мыслях будущу имела только
ночь.

Светило дневное уже склонилось

к лесу,
Над домом черную простерла
ночь завесу,
И купно с темнотою
Ввела царевнина супруга к ней в
покой,
В котором крылося несчастно
непокорство.
И если повести не лгут,
Прекрасна Душенька употребила
тут
И разум, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какие свойственны женам,
Когда они, дела имея по ночам,
Скорее как-нибудь покой дают му-
жьям.
Но хитрости ль ее в то время
успевали,
Иль сам клонился к сну грызени-
ем печали, —
Он мало говорил, вздохнул,
Зевнул,
Заснул.
Тогда царевна осторожно
Встает толь тихо, как возмож-
но,
И низу, по тропе златой,

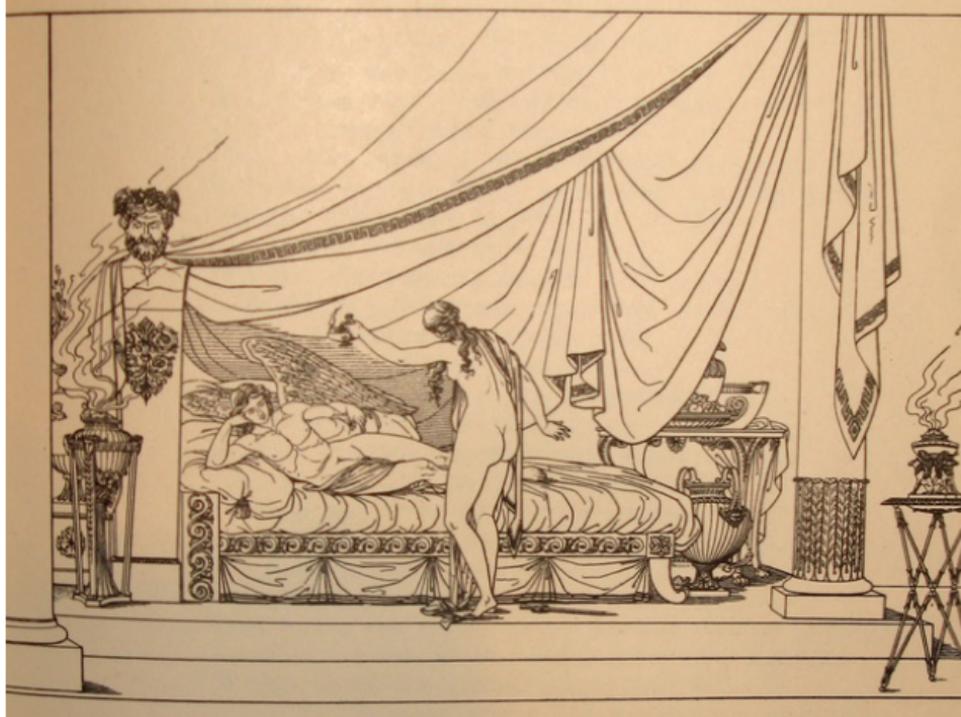
Едва касаяся пятой,
Выходит в некакий покой,
Где многие от глаз преграды
Скрывали меч и свет лампы.
Потом с лампадою в руках
Идет назад, на всякий страх,
И с воображением печальным
Скрывает меч под платьем
спальным;
Идет и медлит на пути,
И ускоряет вдруг ступени,
И собственной боится тени,
Бояся змея там найти.
Меж тем в чертог супружний
входит,
Но кто представился ей там?
Кого она в одре находит?
То был... но кто?.. Амур был сам;
Сей бог, властитель всей природы,
Кому покорны все амурь.
Он в крепком сне, почти нагой,
Лежал, раскинувшись в постеле,
Покрит тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой
И частью лишь была на теле.
Склонив лицо ко стороне,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во сне

Он Душеньку искал повсюду.
Румянец розы на щеках,
Рассыпанный поверх лилеи,
И белы кудри в трех рядах,
Вьючись вокруг белейшей шеи,
И склад, и нежность всех частей,
В виду, во всей красе своей,
Иль кои крылися от вида,
Могли унижить Адонида,
За коим некогда, влюблясь,
Сама Венера, в дождь и в грязь,
Бежала в дикие пустыни,
Сложив величество богини.
Таков открылся бог Амур,
Таков, иль был тому подобен,
Прекрасен, бел и белокур,
Хорош, пригож, к любви способен,
Но в мыслях вольных без препятств,
За сими краткими чертами
Читатели представляют сами,
Каков явился бог приятств
И царь над всеми красотами.

*Душенька, преступно открывающая
своего мужа.*

Гравюра Ф. Толстого. 1839 г.

Государственный музей изобразитель-

ных искусств имени А. С. Пушкина.

*Увидя Душенька прекрасно божество
Наместо аспида, которого боялась,
Видение сие почла за колдовство,
Иль сон, или призрак, и долго
изумлялась;
И видя наконец, что каждый видеть мог,
Что был супруг ее прекрасный са-*

мый бог,
Едва не кинула лампы и кинжала
И, забыв тогда свою приличную
стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Как будто б никогда его не обнимала.
Но удовольствием жадающих
очей
Остановлялась тут стремительность
любовна;
И Душенька тогда, недвижна и
бессловна,
Считала ночь сию приятней всех
ночей.
Она не раз себя в сем диве обвиняла,
Смотря со всех сторон, что
только зреть могла,
Почто к нему давно с лампадой
не пришла,
Почто его красот заране не видела;
Почто о боге сем в незнании была
И дерзостно его за змея почитала.

Впоследствии царская дочь,
В сию приятную ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизжилась, потом приблизилась
лампаду,
Потом, нечаянной бедой,
При сем движении, и робком и
несмелом,
Держа огонь над самым телом,
Трепещущей рукой
Небрежно над бедром лампаду
наклонила
И, масла часть пролив оттолкнув,
Ожогом бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Он вдруг вздрогнул, вскричал,
проснулся
И, боль свою забыв, от света
ужаснулся;
Увидел Душеньку, увидел также
меч,
Который из-под плеч
К ногам тогда скользнулся;
Увидел все вины
Или признаки вин зломысленной
жены;
И тщетно тут она желала
Сказать несчастья все с начала,

Какие в выправку сказать ему
могла.
Слова в устах остановлялись;
И свет и меч в винах уликою явля-
лись,
И Душенька тогда, упавши, об-
мерла.

Книга третья

Бывала Душенька веселостей ду-
шою,
Бывала Душенька большою госпо-
жою;
Бывало в прошлы дни, под кровом
у небес,
Когда б лишь капля слез
Из глаз ее сверкнула,
Или бы Душенька о чем-нибудь
вздыхнула,
Или б поморщилась, иль только
бы взглянула,
В минуту б для ее услуг
Полки духов явились вкруг,
С водами, спиртами, из разных
краев света;
И сам Эскулап, хотя далеко жил,
Тотчас бы сыскан был
Пощупать, посмотреть иль про-

сто для совета,
И всю б свою для ней науку исто-
щил.
Когда же во дворе рассеялися слу-
хи,
Что Душенька в раю преслушала
закон
И что ее за грех оставил Купидон,
Оставили ее и все прислужны ду-
хи.
Зефиры не были в числе неверных
слуг:
Сии за Душенькой старинны воло-
киты
Одни остались из всей придворной
свиты,
Которые вдали над ней летали
вкруг.
Но всем известно то, зефиры бы-
ли ветры,
И были так легки, как наши пети-
метры[32]:
Увидев красоты, что преж сего
цвели,
Увидев их тогда поблеклы, безды-
ханны,
Зефиры не могли
В привязанности быть надолго

постоянны
И, кинув царску дочь,
Лететь пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей слу-
жили,
Хотя, казалось, об ней тогда ту-
жили,
Но каждая из них имела красоты,
Имела собственны дела и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, упоая:
Авось-либо творец прекраснейше-
го рая,
Авось-либо сей бог веселий и утех,
Оставив Душеньку за дурость и за
грех
И вспомнив древнюю их верность
и услугу,
Впоследок кинет взор
На собственный свой двор
И, может быть, из них возьмет
себе супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей в
раю.

Амуры боле всех к царевне склон-
ны были:
По старой памяти всегда ее лю-

били
И, видя злую с ней напасть,
Усердно ей помочь хотели,
Но, чтя покорно вышнюю власть,
В то время к ней отнюдь прибли-
житься не смели.
Иль, может быть, и так они,
предвидя впредь
Ее несчастья и печали,
Судили — легче ей в сей доле уме-
реть,
И ей из жалости тогда не помо-
гали.
Они увидели, увы! в тот самый
час
Зефирам на ветру написанный
приказ...
Амуры с Душенькой расстались,
возрыдали
И только взорами ее препровожд-
дали.
Зефиры царску дочь обратно унес-
ли
Из горних мест к земли,
Туда, откуда взяли,
И там
Оставили полмертву,
Как будто лютым львам

И аспидам на жертву.
Умри, красавица, умри! Твой сладкий век
С минувшим днем уже протек!
И если смерть тебя от бедствий
не избавит,
Сей свет, где ты досель равнялась
с божеством,
Отныне в скорбь тебе наполнен
будет злом
И всюду горести за горестями
представит.
Тебя к терпению оставил Купидон;
Твой рай, твои утехи,
Забавы, игры, смехи
С их временем прошли, прошли,
как будто сон.
Вкусивши сладости, когда кто их
лишился
И точно ведает их цену и урон,
И боле — кто, любя, с любимым
разлучился
И радости себе уже не чаает
впредь,
Легко восчувствует, без дальнейшего слова,
Что лучше Душеньке в сей доле

умереть.

Но гневная судьба была к ней
столь сурова,
Что, сколь бы грозных парк на по-
мощь ни звала
И как бы смерти не искала,
Судьба назначила, чтоб Душенька
жила
И в жизни бы страдала.

По нескольких часах,
Как вымытый в водах
Румяный лик Авроры
Выглядывал на горы
И Феб дружился с ней на синих
небесах,
Иль так сказать в простых сло-
вах:
Как день явился после ночи,
Очнулась Душенька, открыла яс-
ны очи,
Открыла... и едва опять не обмер-
ла,
Увидев где и как тогда она была.
Наместо божеских, прекрасней-
ших селений,
Где смехов, игр, забав и всяких
слуг собор

Старался примечать и мысль ее
и взор
И ей услуживать, не ждавши по-
велений,
Наместо всех в раю устроенных чу-
дес,
Увидела она под сводами небес
Вокруг пустыню, гору, лес,
Пещеры аспидов, звериные берло-
ги,
У коих некогда жрецы и сами бо-
ги,
И сам отец ее, сама царица-мать
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себе четы, не ведая доро-
ги.
Увидела она при утренней заре,
В ужасной сей пустыне,
На самой той горе,
Куда, по повестям, везде извест-
ным ныне,
Ни зверь не забежал,
Ни птицы не летали
И где, казалось, лишь страхи оби-
тали, —
Увидела себя без райских покры-
вал,
Лежащу в платьице простом и

ненарядном,
В какое Душеньку в несчастье бес-
прикладном,
Оставив выкладки[33] и всякие
махры,
Родные нарядили,
Когда на верх горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши
к бедам,
Ко страху и несчастью,
Могла бы ожидать себе отрады
там
Богов хранителей везде присущ-
ной властью
И, веря всяким чудесам,
Могла б в их помощи легко себя
уверить
И несколько бы тем печаль свою
умерить, —
Но Душенька дотоль в раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потом, как дура,
Утратила любовь превыше всех
утех,
Любовь нежнейшего любовника и
друга,

Иль паче божества под именем
супруга.
Проступок свой тогда вменяя в
крайний грех,
Жарчайшею к нему любовью пла-
менела;
Стократ она, в поправку дела,
Прощения просить хотела
У мужа, у богов, у каждого и всех,
Но способов к тому в пустыне не
имела:
В пустыне сей никто — ни чело-
век, ни бог —
Ни видеть слез ее, ни слышать
слов не мог.
Амур в сей час над ней невидимо
взвивался,
Тая свою печаль во мраке черных
туч;
И если проницал к нему надежды
луч,
Надеждой Душеньку утешить он
боялся.

Он ею тайно любовался,
Поступки он ее украдкой приме-
чал,
Ее другим богам в сохранность

поручал
И, извиняя в ней поспешность вся-
кой веры,
Приписывал вину одним ее сест-
рам.
Известно то, что он по проискам
Венеры,
Царевну должен был тогда пре-
дать судьбам,
И что толико в лютой части,
Спасая жизнь ее от злобствующей
власти,
Какою ей тогда Венерин гнев гро-
зил,
Противу склонности повсюду
ухищрялся,
Против желания повсюду притво-
рялся,
Как будто б он уже царевну не лю-
бил.
Не смея же ей сам явить свои при-
слуги,
Он эху той округи
Строжайший дал приказ,
Чтоб эхо всяку речь царевнину
внимало
И громко повторяло
Слова ее сто раз.

«Амур, Амур!» — она вскричала...
И может быть, что речь еще бы
продолжала,
Как некий бурный шум средь об-
лак в оный час
На время прекратил ее плачевный
глас.

На вопль отчаянной супруги,
Который поразил и горы и леса
Печальной сей округи,
Который эхо там, во многи голо-
са,
Несло наперехват под самы небе-
са,
Амур, придавшись движенью
некой страсти,
Забыв жестоку боль бедра
И все, что было с ним вчера,
Едва не позабыл уставы вышней
власти,
Едва не бросился с высоких обла-
ков
К ногам возлюбленной, без всяких
дальних слов,
С желаньем навсегда отныне
Оставить пышности небес
И с нею жить в глухой пустыне,
Хотя б то был дремучий лес.

Но, вспомнив, нежный бог, в жару
своих желаний,
Несчастливый предел толь лест-
ных упований
И гибель Душеньки, строжайшим
ей судом
Грядущую потом,
Умерил страсть свою, вздохнул,
остановился,
И к Душеньке с высот во славе он
спустился:
Предстал ее глазам,
Предстал... и так, как бог, явился;
Но, в угождение Венере и судьбам,
Воззрел на Душеньку суровыми
очами,
И так, как бы ее оставил он на-
век,
Гневливым голосом, с презором
произрек
Строжайшую ей часть, предпи-
санну богами:
«Имей, — сказал он ей, — отныне
госпожу,
Отныне будешь ты Венериной ра-
бою,
Отныне не могу делить утех с
тобою...

Но злобных сестр твоих я боле
накажу».

«Амур, Амур!» — опять царица
возгласила...

Но он при сих словах,
Не внемля, что она прощенья про-
сила,

Сокрылся в облаках!

Сокрылся и потом в небесный
путь пустился,

И боле не явился.

Болтливы эхи дальних мест,
Которы, может быть наукой от
Венеры,

Подслушивали речь из ближней
там пещеры

И видели его свиданье и отъезд,
Впоследствии разнесли такую в мир
огласку,

За быль или за сказку,

За правду иль прилог,

Что, будто чувствуя жестокою
ожогу,

Амур прихрамывал на раненую
ногу;

И будто бы сей бог,

Сбираясь к небесам в обратную

дорогу,
Лучом своим и сам царевну опа-
лил
И множество древес сим жаром
повалил.
Но как то ни было, любви ль
нежной сила
Или особая господствующа
власть
Соделывала в ней мучительную
страсть:
Супружню всю она суровость по-
забыла,
Лишь только помнила, кого она
любила
И дерзостью своей чего себя ли-
шила.
Чего ей ждать тогда осталось
от небес?
В отчаяньи, пролив потоки горь-
ких слез,
Наполнив воплями окружный дол
и лес,
«Прости, Амур, прости!» — царев-
на вопияла
И в тот же час лихой,
Бездонну рывину увидев под го-
рой,

С вершины в пропасть рва пу-
ститься предприняла,
Пошла, заплакала, с платочком
на глазах,
Вздохнула! ахнула!.. и бросилась в
размах.
Амур оставил ли зефиров без на-
каза,
Велел ли Душеньку стеречь на
всех горах,
Читатель может сам увидеть
то в делах.
В тот час и в тот момент усерд-
ный Скоромах —
Зефир, слуга ее при ветренных пу-
тях, —
Увидев царску дочь в толь види-
мых бедах,
Не ждал себе о том особого при-
каза,
Оставил все дела в высоких небе-
сах,
Тряхнул крылом, порхнул три ра-
за,
И Душеньку тогда, летящую на
низ,
Прикрыв воскрылием своим воз-
душных риз

От всякой наглости толпы раз-
носторонней,
Как должно подхватил,
Как должно отдалил
От пропасти бездонной
И тихо положил
На мягких муравах долины благо-
вонной.
Он тихим дханием там воздух
растворил,
Бореям дерзким дуть над нею за-
претил
И долго прочь не отходил,
Забыв свою любезну Флору;
Скорбел, что скоро путь свершил,
Что долго Душеньке не мог слу-
жить в подпору.

Увидев там она себя на муравах,
Неведомыми ей судьбами,
И куст яминный в головах
Меж разными вокруг цветами,
Такую истину сперва за сон почла!
И щупала себя, в сомнении и в ди-
ве,
И долго верить не могла,
Чтоб, кинувшись, была
Еще на свете вживе;

Забывшись потом,
Заснула крепким сном.
Но видела ль во сне, что было с
ней доселе,
Худое ль, доброе ль на деле,
Супруга на горе иль спящего в по-
стеле,
Иль грозную его разгневанную
мать,
Историки о том забыли напи-
сать,
А только дали знать,
Что бог Амур над нею
Велел тогда летать
Снодетелю Морфею
И сном продлить ее покой,
Зефира отослав домой.
Известно ныне всем, что сон и вся
натура
В то время правилась указами
Амура.
Амур, который зрел ее и скорбь и
труд,
Амур, содетель чуд,
Легко соделать мог, чтоб Ду-
шенька уснула
И сном бы отдохнула.
И, может быть, она, возненави-

дев свет,
Была к небытию влекома в сей пу-
стыне,
Как узник иногда, устав от мук и
бед,
Через сон старается приблизить-
ся к кончине.
Но, как бы ни было, по нескольких
часах
Влюбленный Купидон, не спя на
небесах
И охраняючи несчастную супругу,
Решился прекратить Морфееву
услугу.
Проснулась Душенька, открыла
томный взор...
Но, вспомнив свой позор,
Глаза от света отвращала,
Цветы и травы вновь слезами
орошала
И камням и лесам унывно возве-
щала,
Что боле жить она на свете не
желала.

«Не буду доле жить!
Приди, о смерть! ко мне, при-
ди!» — она вопила.

Но смерть, хотя ее царевна торопила,
Отказывалась ей по должности
служить;
Курносо чучело с плешивой головою,
От вида коего трепещет всяка
плоть,
Явилась к ней тогда с предлинною
косою,
Но только лишь траву косить
или полоть,
Где Душенька могла ступеньки
поколоть.
Увидев наконец, что смерть от
ней бежала,
Насильно Душенька скончать
свой век искала:
«Зарежуся!» — вскричала,
Но не было у ней кинжала,
Нижé какого острия,
Удобного пресечь несчастну
жизнь ея.
Читатель ведает, без всякой
дальней справки,
Что Душенька пред сим,
Летя с горы на низ, повытрясла
булавки,

Чудесным действием иль случаем
простым.

В сей крайности она, не размыш-
ля боле,

Искала камней в поле,

И острый камень как-нибудь

Вонзить себе хотела в грудь.

Казался край тогда ее несчастной
доле;

Нашлись остры камни там,

Но Душенька велась не к смерти,
к чудесам:

Лишь только вóзмет камень в
руки,

То камень претворится в хлеб

И, вместо смертной муки,

Являет ей припас снедаемых по-
треб.

Когда же смерть отнюдь ее не хо-
чет слушать,

Хоть свет ей был постыл,

Потребно было ей ко укрепленью
сил,

Ломотик хлебца скушать.

Потом, смотря на лес, на пропа-
сти без дна,

На небо и на травку,

И вновь смотря на лес, умыслила

она
Другую смерть себе, а именно —
удавку.

В старинны времена
Такая смерть была почтенна и
честна.

У турок и поднесь за смерть бла-
женну ставят,

Когда кого за грех не режут, а
удавят.

Нередко визири и главные в пол-
ках,

И сами там султаны

За собственны свои или других об-
маны

Кончают свой живот в ошейных
осилках.

Хотя ж в других местах

Не ставят в честь удавку

И смертью таковой казнят од-
них плутов,

Но ищущий конца на всяку
смерть готов;

И Душенькина смерть не шла в
позор и в явку.

Желала бы она

Скончаться лучше ядом;

Но вся сия страна,

Где смерть была запрещена,
Казалась райским садом,
Казалась сотворена
Для пользы иль веселья,
И тщетно было б там искать ли-
хого зелья.

Равно же изгнан был оттоле вся-
кий гад,
В каком бывает яд;
Итак, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотела уда-
виться.

А где, и чем, и как?
По многим повестям остался
верный знак:
Вблизи оттоле рос дубняк,
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душеньке тогда широкий был
платок,
Который с белых плеч спускался
возле бок.

Несчастлива Душенька, не в многие
минуты,
Неся на смерть красу,
Явилась в лесу;
Не в многие минуты,
Кончая скорби люты

И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избрав крепчайший сук, последний
шаг ступила
И к суку свой платок как должно
прицепила,
И в петлю Душенька головушку
вложила;
О, чудо из чудес!
Потрясся дол и лес!
Дубовый грубый сук, на чем она
повисла,
С почтением к ее прекрасной го-
лове
Погнулся так, как прут, изросший
в вешни числа,
И здраву Душеньку поставил на
траве;
И все тогда суки, на низ влекомы
ею,
Иль сами волею своею
Шумели радостно над нею
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей венцы.
Один лишь наглый сук за платье
зацепился,
И Душенькин покров вверху оста-
новился.

Тогда увидел дол и лес
Другое чудо из чудес!
И горы вскрикнули громчае сколь
возможно,
Что Душенька была прекрасней
всех неложно;
И сам Амур тогда, смотря из об-
лаков
Прилежным взором, то оправды-
вал без слов;

Неудача в намерении Душеньки пове-
ситься.

Гравюра Ф. Толстого. 1840 г.

Государственный музей изобразитель-
ных искусств имени А. С. Пушкина.

Меж тем как Душенька в живу-
щих оставалась,
Как бытностью ее натура красо-
валась,
Явился ей еще удобный смерти
род,
Которым чаяла окончить свой
живот.
Не могли к дубу прицепиться,
Она решилась утопиться.
На случай сей река
Была недалеко.
Царевна с берега крутого,
Где дно реки от глаз скрывалось
под водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдруг, противною судьбой,
Поехала она на щуке шегардой[34]
;
И, ехав поверху опаснейшей доро-
ги,
Мочила Душенька лишь хвост и

ноги.

К хранению ее прибавлен был конвой:

Другие тут же шуки,
Наукой от богов иль просто без науки,
Собравшись, как должно в строй,
От всяких случаев царицу ограждали

И в путь с плесканьем ее препровождали.

Иные говорят,
Что будто в шуках там заметили наяд,

И что наяды эскадроном
Явились к Душеньке с поклоном.

Не знаю, правда ль то, лишь нет сомненья в оном,

Что некие тогда из сих наяд, иль рыб,

Которых род с рекой со временем погиб,

Служив дотоль в раю под счастливым законом,

За Душенькою тут спешили вслед догоном,

В старинном их строю

Признать, по должности, влады-

чищу свою,
Забыв, что бог прекрасна рая,
С тех пор как райску жизнь в ни-
что преобразил,
Служивших там, как бы карая,
Оттоль на волю распустил.
Несчастлива Душенька, сколь много
не старалась
В речном потоке утонуть,
Со щукою неслась благополучно в
путь,
И с берега она к другому добира-
лась.
В сих муках тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зов плавучий сонм вопил еди-
ногласно,
Что Душенька в бедах
Без пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь в во-
дах;
Что боги пусть продлят ее пре-
красны годы,
И что ее на смерть отнюдь не
примут воды.
Остался наконец единый смерти
род,
Который Душенька еще не испы-

тала;

Она еще себя надеждою питала,
Что, может быть, огнем сконча-
ет свой живот.

Вдали в то время дым курился:
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дым;
И случаем тогда, видущим иль
слепым,

Пришла к речному берегу,

И там на муравах

Нашла огонь в дровах

К рыбацьеву ночлегу.

Хозяин оных дров,

Престарый рыболов

В ладье своей на лов

Отплыл во оно время.

Царевна жизни бремя

Легко могла пресечь

Могла себя сожечь

В пустом широком поле,

В просторе и на воле.

Никто б ее извлечь,

Никто б не мог оттоле,

Когда бы небеса

От смертного часа

Ее не отдалили

И новы чудеса

Над ней не сотворили.
Она, сказав ко всем последние слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Как вдруг невидимая сила
Под нею пламень погасила.
Мгновенно дым исчез, огонь и жар потух,
Остался лишь потребный теплый дух,
Затем, чтоб ножки там царевна осушила,
Которые в воде недавно замочила.
Узрев себя она безвредну на дровах,
Вскричала громко: ах!..
Сей глас раздался на волнах,
Восколебались тихи волны,
Всплеснулись рыб различны роды,
Взвернулась трижды вокруг
Ладья у рыболова,
И все то случилось вдруг
От Душенькина слова.
Не знаю, волею ль не сей внезапный крик
В ладье своей старик
Назад стремился к бегу

Иль чудом вверх воды несло его ко
брегу;
Но знаю, что потом сей древний в
мире дед,
Взглянув на близь своей повети
[35],
Забыл преклонность поздних лет,
Пустил из рук рыбацьи сети,
Прыгнул из лодки ко дровам
И пал к царевниным ногам,
Хотя не ведал с нею чуда,
Ни кто она была,
Зачем туда пришла,
Каким путем, откуда.

«О праотец земных родов,
Иль сын, конечно, праотцов! —
Царевна к старцу вопияла. —
Ты помнишь бытность всех вре-
мен
И всяких в мире перемен;
Скажи, как свет стоит с начала,
Встречалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я резалась и в петлю клалась,
Топилась и в огонь бросалась,
Но горькой учести моей,
Прошед сквозь огонь, прошед

сквозь воду,
И всеми видами смертей
Приведши в ужас всю природу,
Против желания живу,
Бессмертные имею в муку
И тщетно смерть к себе зову.
Поддай свою мне в помощь руку,
Скончай мой век, мне свет по-
стыл!»

«Но кто ты?» — старец спросил.
«Я Душенька... люблю Амура...»
Потом заплакала, как дура;
Потом, без дальних с нею слов,
Заплакал вместе рыболов,
И с ней взрыдала вся натура.
Потом сказал ей тот же дед,
Что смерти ей на свете нет,
Как по себе она не чаает,
И что еще она не знает
Готовых ей в прибавок бед;
Что злоба гневной к ней богини
Проникла в самые пустыни;
Что, каждому в пример и в страх,
Во всех подсолнечных местах
Уже ее вины открыты
И грамоты о том прибиты
В распутиях и во вратах.
Притом старик роптал в слезах,

Что злобе попускают боги,
И, строгую вина судьбу,
Повел царевну он к столбу,
Где ближние сошлись дороги.
Царевна там сама прочла
Прибитый лист, в большую меру;
А что она в листе нашла,
Скажу по точному манеру.
«Понеже Душенька прогневала Ве-
неру,
И Душеньку Амур Венере в стыд
хвалил;
Она же, Душенька, румяны уни-
жает,
Мрачит перед собой достоинство
белил
И всяку красоту повсюду обижа-
ет;
Она же, Душенька, имея стойный
стан,
Прелестные глаза, приятную
усмешку,
Богиню красоты не чтит и ста-
вит в пешку;
Она же взорами сердцам творит
изъян,
Богиней рядится и носит хвост в
три пяди[36], —

Того или иного ради,
Венера каждому и всем
О гневе на нее своем
По должной форме извещает
И всяку милость обещает
Тому, кто Душеньку на срок
К Венерину лицу представит.
А буде кто ее оправит
Противу силы оных строк,
Иль буде где ее укроет,
Иль повод даст укрыться ей,
Тот век вины своей не смоеет
Ни самой кровию своей».

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозные слова:
«О боги! видите вы сами, —
Вопили камни и древа, —
На то ли Душенька жива,
На то ль одарена красами,
И чем виновна перед вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь мир читал о ней
сыскную,
Весь мир о ней равно жалел:
Иной бранил богиню злую,
Другой сыскную драть хотел.
Одни, из должности, цитерские

пролазы
Твердили по утрам о Душеньке
приказы,
Который всяк потом охотно за-
бывал,
И Душеньку, кто мог, охотно
укрывал,
Но как то ни было, бояся ли про-
лазов,
Бояся ли приказов,
Водима ль стариком,
Иль собственным умом,
Царевна наконец за благо рассуди-
ла
Просить о помощи степеннейших
богинь,
Счастливее она б богов о том
просила;
Но с времени, когда Амура полю-
била,
По мысли никого в богах сыскать
не мнила:
Кто резок был иль трус, кто горд
иль глупый шпынь,
И, может быть, она в то время
находила
В верховнейших богах немало
часть разинь.

Вначале Душенька пошла просить
Юнону,
Которая тогда, оставив небеса,
За мужем бегала и в горы и в ле-
са.
Она могла б давать несчастным
оборону,
Но собственну свою тогда имела
грусть.
Юнону хоть любил Юпитер по за-
кону,
Любя других, не мог к ней верно-
сти соблюсть;
Везде по свету волочился,
Был груб, был дик,
Как вепрь иль бык,
И часто под дождем по целым
дням мочился.
И после до ушей Юноны слух про-
ник,
Что подлинным быком в Европе
он явился
И подлинным дождем к Данае он
спустился,
Забыв отца богов достоинство и
чин.
Для множества таких причин
И, может быть, за то, как видела

Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера соделать без
ума,
«Поди, — сказала ей богиня вышня
трона, —
Проси о деле Купидона,
Или поди проси других,
А мне довольно бед своих».

Царевна, по народной вере,
Пошла с прошением к Церере.
В те дни собирался хлеб с полей,
И хлебодатная богиня
У всех своих тогда являлась олтарей,
Тогда на всех лилась от ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступ для сего к Церерину лицу
Дозволен только был жрецам или
жрецу,
И кто к богине шел для просьбы
иль вопроса,
Не мог услышан быть без жертвы
и приноса;
А Душенька была в то время всех
бедней,

И не было тогда у ней
Отцовских денег, ни перстней;
Возненавидев жизнь, как знают
все, дурила
И добрым людям их дорогой раз-
дарила.
Остался у нее пастуший сарафан,
Который был ей дан
Разумным рыболовом,
Чтоб в сем наряде новом
Укрыть ее от бед хотя через об-
ман;
Осталась красота, о коей все тру-
били,
Но красоты чужой богини не лю-
били,
И, им последуя, жрецы, известно
то,
Отменный дар красот вменяли
ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущего ле-
та,
Отправили оттоль без всякого
ответа.

В сей скорби Душенька, привыкши
всех просить,
Минерву чаяла на жалость пре-

клонить.

Богиня мудрости тогда на Гели-
коне

Имела с музами ученейший совет

О страшном некаком наклоне

Бродящих близ земли комет,[37]

Которы долгими хвостами,

Пугая часто робкий свет,

Пророчили беды местами

И Аполлонов путь

Грозили в мир запнуть.

На все же, что тогда царевна
представляла,

Без всякой жалости богиня отве-
чала,

Что мир без Душеньки стоял из
века в век;

Что в обществе она не важный
человек;

И паче, как хвостом комета всех
пугает,

На Душеньку тогда взирать не по-
добает.

К Диане Душенька явить не смела
глаз;

Богиня та любви не ведала зараз:
Со свитой чистых дев, к свободе
устремленных,

К невинной вольности, нося колчан и лук,
Пускаясь быстро в бег, любя проворство рук,
Гонялась за зверьми в пустынях отдаленных.
Никто не нарушал дотоль ее забав;
Еще не видела она Эндимиона,
И строгостью себе предписанна закона
Лишила б Душеньку и милостей и прав.

Куда идти? еще к Минерве иль к Церере?
Поплакав, Душенька пошла к самой Венере.
Проведала она, бродя по сторонам,
Что близко от пути, в приятнейшей долине,
Стоял известный храм
С надвратной надписью: «Прекраснейшей богине».
Нередко в сих местах утех всеобщих мать,
Мирских сует слагая бремя,

Любила отдыхать.
Туда от разных стран народ во
всяко время
Толпой стекался вздыхать.
Иные шли туда богиню прослав-
лять,
Другие к милостям признание яв-
лять,
Другие ж их просить иль просто
погулять.
В таком стечении народа
Несчастлива Душенька, избрав ти-
шайший час
И кроясь всячески от всех сторон-
них глаз,
Со трепетом рабы туда искала
входа.
Одною лишь в бедах
Надеждой утешалась,
Что, может быть, она, хоть
вольности лишалась,
Увидит в сих местах
С Венерой Купидона
И, забывая страх
Строжайшего закона,
Вдавалась в сладости различных
лестных дум,
Какими упоен бывает страстный

ум.

В сих мыслях Душенька прибли-
жилась ко храму
И там, задумавшись, едва не впа-
ла в яму,
Куда от разных жертв за двор
Смешался в кучу разный сор.
Но, впрочем, все места казались
тамо садом,
И благовонная катилась роса
На мирту, на лимон, на всяки дре-
веса,
И храм курился вокруг душистым
всяким чадом.

По сказкам знают все, что шел-
ковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега
Богине красоты всегда принадле-
жали
И по долине там дороги окружа-
ли.
Издравле бог войны
Строжайший дал приказ, в угод-
ность сей богине,
Чтоб вечно в той долине
Трубы военной звук не рушил ти-
шины.

Известно всем, что там и самые
дики звери
К овцам ходили в двери
И овцы, позабывши страх,
Гуляли с ними на лугах
И с самой вольной простотою
Питались киселем с сытою,
Навеки в животе,
В здоровье, красоте;
Живуща тварь не убивалась,
Насильством кровь не пролива-
лась,
Неведом был скорбящих глас,
И вся природа всякий час
Согласием сочетавалась.
В середине сих лугов,
И вод, и берегов
Стоял богинин храм меж множе-
ства столпов.
Сей храм со всех сторон являл два
разных входа:
Особо — для богов,
Особо — для народа.
Преддверия, врата, и храм, и ол-
тари,
И каждая их часть, и каждая фи-
гура,
И вообще вся архитектура

Снаружи и внутри
Изображала вид игривого Амура,
Иль вид забав и торжества
Властительного там прекрасна
божества;
Венеры чудное рождение из пены
И всяка с нею былль, приятная в
чертах,
Особо виделись в картинах и в
коврах,
Какими изнутри покрыты были
стены.
Во внутренности там различных
олтарей
Различны дани приносились
От всех наук, искусств, худо-
жеств и затей,
И знатных и простых людей,
Которы все в число достойнейших
просились:
Иной, желая приобрести
Любовью к некой Музе честь
И данью убедить любовницу ску-
пую,
Привесил в уголок цевницу золо-
тую;
Другой, себе избрав,
По праву иль без права,

В любовницы Палладу
И тщася получить лавров венец в
награду,
Привесил ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннейшей
Алкмены,
Во храме распестрил малярной
кистью стены.

Но дани, приносимы в храм
Не по богатству иль чинам,
Могли казаться тамо кстати;
И часто там простой пастух,
Неся богине в дар усердный толь-
ко дух,
Предпочитаем был блистатель-
нейшей знати.
На среднем олтаре,
Под драгоценнейшим отверстым
балдахинном,
Стоял богинин лик особым неким
чином,
Во всей поре,
Во всей красе и в полной славе,
В подобной, как она на некакой го-
ре
Явилась в прежни дни к Парисовой

расправе
И спор между богинь решила красотой.
Сей лик, казалось, был божественной рукой
Из мрамора иссечен
И после в образец художества примечен.
Носился в мире слух, что будто Пракситель[38]
Оттуда взял модель
И, точно по примеру,
Представил в первый раз во всей красе Венеру.
Никто из вшедших в храм не могли не смел
Не преклонять колен пред сим прекрасным ликом;
И каждый, как умел,
Богине гимны пел,
В усердии глуша один другого криком.
Над храмом извивался рой
Амуров, смехов, игр, зефиров,
Которы всякою порой
Туда слетались от всех возможных миров.

В летучем их строю
И те при храме были,
Которые в раю
При Душеньке служили.
В сей час они опять над прежней
госпожой
В неведеньи летали,
Резвились и журчали;
Но Душенька тогда под длинную
фатой,
Под длинным сарафаном,
Для всех была обманом:
Вошла во храм с толпою в ряд
И стала в стороне у самых пер-
вых врат.
От робости она сих мест не при-
мечала,
Иль, помня прежнюю блаженну
жизнь свою,
Когда сама была богинею в раю,
Полками разных слуг сама пове-
левала,
И песни и хвалы сама от всех слы-
хала,
Сей храм напоследи за редкость
не считала, —
По воле то решить читатель мо-
жет сам.

Но в храме, лишь едва лицо свое
открыла,
В минуту все глаза к себе оборо-
тила.
Возволновался храм,
Умолкли гимны там,
Пресеклись жертв приносы,
И всюду слышались лишь вести
иль вопросы.
Я прежде не сказал,
Что весь народ Венеру
В сей день по слуху ждал
Из Пафоса в Цитеру.
Увидя ж Душеньку, согласно весь
народ
Один другому в рот
Шептал за новы вести:
«Венера здесь тайком!..
Бежит от всякой чести!..
Венера за столбом!..
Венера под платком!..
Венера в сарафане!..
Пришла сюда пешком!..
Во храм вошла тишком!..
Конечно с пастушком!..»
И весь народ в обмане
Пред Душенькою вдруг колена пре-
клонил.

Жрецы, со множеством курящихся
кадил,
Вездев умильно длани,
Просили Душеньку принять на-
родны дани
И с милостью воззреть
На всяки нужды впредь.
В сие волнение народа
Возникла вдруг молва у входа,
Что сущая уже богиня оных
мест,
Влеча с собой толпы служителей
на въезд
И яблоко держа Парисово в десни-
це,
Со всею славою, в блестящей ко-
леснице
В тот час из Пафоса ко храму
прибыла,
И вдруг при сей молве Венера в
храм вошла.

Но кто представит живо,
В словах или чертах,
Богинин гнев, народный страх
И общее во храме диво,
И боле Душеньку, в невинном тор-
жестве,

При самом храма божестве.
Вотще в то время всех царевна
уверяла,
Зачем туда пришла
И кто она была,
Большая часть людей от ней не
отставала,
Забыв, что в храм сама Венера
прибыла.
Богиня, сев на трон и скрыв свою
досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила в сей день другие все де-
ла
И тот же час приказ дала
Представить Душеньку во внут-
ренню преграду.
«Богиня всех красот! не сетуй на
меня, —
Рекла царевна к ней, колена пре-
клоня. —
Я сына твоего прельщать не
умышляла:
Судьба меня, судьба во власть к
нему послала.
Не я ишу людей, а люди в слепоте
Дивятся завсегда малейшей кра-
соте.

Сама искала я упасть перед тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою,
И в милость только то прошу себе напередь,
Чтобы всегда могла твое лицо я зреть».
«Я знаю умысл твой!» — Венера ей сказала
И, тотчас кончив речь,
С царевной к Пафосу отъехать предприняла,
Притом с насмешкой приказала
В пути ее беречь.
Сажают Душеньку в особу колесницу,
Запряжи в путь сорок станицу;
А для беседы с ней, как будто ей чета,
Садятся тут же рядом
Четыре фурии, изверженные адом:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставим разговор сих фурий ухищренных
И скажем наконец, к каким тру-

дам она
Венерой в Пафосе была осуждена
И кто был вождь ее на службах
повеленных.

Из многих дел и слов,
В умах напечатленных,
Известно мщенье богов,
Во гневе раздраженных.
Нередко сильные, прияв на небе
власть,
Бессильных поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло пред
ними пасть,
Ногами попирали.
В счастливейших веках,
Конечно, нет примера
Такому мщению, какое, всем во
страх,
Противу Душеньки умыслила Ве-
нера!
Умыслила свою умножить красо-
ту,
А Душеньку привести, сколь мож-
но в дурноту,
Чтоб все от Душеньки впоследствии
отвращались
И только бы тогда Венерою пре-

льщались.

Не знаю, в первый день, иль лучше,
в перву ночь,

Довольная своею жертвой,
Богиня в мщении послала царску
дочь

Принесть чрез три часа воды жи-
вой и мертвой.

Известен весь народ

О действе оных вод:

От первой кто попьет — здоровье
получает;

А от другой попьет — здоровье
потеряет;

Но в сем пути никто не возвра-
щался жив.

Царевна, к службе сей, как долж-
но прицепив

Под плечи два кувшина,

Пошла без дальна чина,

Пошла на все труды

Искать такой воды.

Куда? и кто в пути ей будет про-
вожатым?

Амур во все часы ее напасти зрел

И тотчас повелел

Своим слугам крылатым

Поднять и перенести царевну в
тот удел,
Где всяки воды протекают,
Мертвят, целят и помогают.
Зефир, который тут по склонно-
сти прильнул,
Царевне на ухо шепнул,
Что воды окружает
Большой и толстый змей свернув-
шись вокруг кольцом,
И никого отнюдь к водам не до-
пускает,
Как разве кто его забавит питье-
цом.
Притом снабдил ее большою с
пойлом флягой,
Которую велел, явясь туда с от-
вагой
И змею речь сказав, в гортань ему
воткнуть.
Когда же пасть свою при пойле
змея разинет
И голову с хвостом в то время
разодвинет,
То Душенька найдет себе свобод-
ный путь
Живую ль мертвую ль водицу по-
черпнуть.

Зефир лишь то сказал, царевна
путь скончала, —
Явилася у вод
И, змею поклонясь умильну речь
сказала,
Котору выдала в последок и в на-
род:

«О Змей Горынич Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена,
Ты ростом превзошел слона,
Красою помрачил верблюда,
Ты всяку здесь имеешь власть,
Блестишь златыми чешуями
И смело разеваешь пасть,
И можешь всех давить когтями,

—
Соделай край моим бедам,
Пусти меня, пусти к водам»
Хвалы и титулы пленяют всяки
уши,
И движутся от них жестоки са-
мы души.
Услышав похвалы от женского
лица,
Притом склоняясь ко сласти пи-
тьеца,
Горынич пасть разинул
И голову с хвостом при пойле

разодвинул —
Открылись разных вод и реки и
пруды
И разны к ним следы.
Прислужливый Зефир пока сей час
не минул,
Конечно Душеньку в дорогах не по-
кинул;
Она, в свободе там попив живой
воды,
Забыла все свои дорожные труды
И вдруг здоровей стала.
Писатели гласят,
Что Душенька тогда с водой
являсь назад,
В отменной красоте, как роза
процветала
И пред Венерою, как солнце воз-
блистала,
И будто бы тогда богиня умыш-
ляла
Заставить Душеньку лихую воду
пить;
Но, просто случаем, иль чудом
может быть,
Кувшин с лихой водой разбился,
И умысл в дело не годился.
Богиня видела из таковых чудес,

Что помощь Душенька имеет от
небес,
Или, точней сказать, от самого
Амура;
Но, как известно было ей,
Что пагубой людей
Обилует натура,
Послала Душеньку еще в другой
поход,
В надежде, что скончает там
живот
Или хоть будет жить, но будет
без красот.
В саду, где жили Геспериды,
Читатель ведает, что некогда
росли
Златые яблоки, иль просто злато-
товиды,
И сей чудесный сад драконы сте-
регли.
А в том, или в другом саду вблизи
Атласа,
Жила напоследи царица Перекра-
са
Потомству все ее неведомы дела,
Но всяк о том слыхал, что под-
линно была
Сих чудных мест она богиня иль

царица,
И в сказках на Руси слыла,
Как всем известно, Царь-Девуца.
О красоте ее имеет весь народ
Из повестей довод:
Златые яблоки она вседневно ела;
Известно, что от них краснела и
добрела.
Но, ради страхов там и трудно-
стей дорог,
Коснуться к яблокам никто дру-
гой не мог.
Хоть не было тогда драконов
там, ни змея
Однако сад сей был под стражею
Кащея,
Который сам как страж, тех яб-
лок не вкушал
И никого отнюдь их есть не до-
пускал.
А если приходил тех яблок кто
покушать,
Вначале должен был его загадки
слушать;
Когда же кто не мог загадок от-
гадать,
Того без милости обык он после
жрать.

Венера ведая сих строгих мест за-
коны,
По коим властвуют Кащей или
драконы,
Послала Душеньку не жить, а
умирать,
Чтоб яблоч тех достать.
Но кто ей скажет путь и будет
помогать?
Зефир — она его успела лишь на-
звать, —
Зефир ей новую явил тогда услугу;
И, чтоб холодный ветер не мог ее
встречать,
Пустился с ней в сей путь по югу;
Шепнул царевне он какую вещь
сказать
И как на все слова Кащею отве-
чать.
Потом под яблонью подставить
только полу,
В то время яблоки скатятся са-
ми к долу,
И можно будет ей тогда оставив
сад,
С добычею лететь назад
И яблоч золотых вкусить по про-
изволу.

Не в долгом времени, не в день — в
единый час,
Явилась Душенька к Кащею взять
приказ;
Поклон, как должно сотворила,
Как должно речь проговорила,
Но свету речи сей
Ниже́ того, что ей
Загадывал Кащей,
Она не сообщила.
Известны только нам послед-
ственные дела,
Что службу Душенька вторую со-
служила;
Что в новой красоте пред преж-
ним процвела
И горшине себе напасти навела.

К успеху мщениа пришло во ум бо-
гине
Отправить Душеньку с письмом
ко Прозерпине,
Велев искать самой во ад себе пу-
ти,
И некакой оттоль горшечек при-
нести.
Притом нарочно ей Венера нака-
зала,

Горшечка, чтоб она отнюдь не
открывала.
Царевнин ревностный служитель
давних лет,
Зефир скорей стрелы спустился
наки в свет
И ей полезный дал совет
Идти в дремучий лес, куда дороги
нет.
В лесу он ей сказал представится
избушка,
А в той избушке ей представится
старушка,
Старушка ей вручит волшебный
посошок,
Покажет впоследствии в избушке уго-
лок,
Оттоль покажет вниз ступени,
По коим в ад нисходят тени;
И Душенька тогда лишь ступит
девять раз,
К Плутону в области окончит
всю дорогу;
И, в безопасности от страхов, в
тот же час
Откроет напоказ
Свою прекрасну ногу,
И может впоследствии бесстрашно

говорить
С Плутоном, с Прозерпиной, с
Адом,
Письмо вручить,
Горшечек получить
И службу надлежащим рядом
Исправно совершить.
Последуя сему закону,
Пошла царевна в лес, куда глаза
глядят,
Нашла подземный сход, ступила
девять крат,
Сошла тотчас во ад,
Явилась ко Плутому.

Возволновался мрачный край,
Не ждав посольства от Венеры;
Тризевны в Тартаре церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, в сею тревогу,
Едва открыла только ногу,
Как вдруг умолкла адска тварь —
Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартар начал таять;
Подземна царства темный царь,
Который возле Прозерпины
Дремал с надеждою на слуг,
Смутился тишиною вдруг:

Возвысил вокруг бровей морщины,
Сверкнул блистаньем ярых глаз
Взглянул... начавши речь запнул-
ся,
И с роду первый раз
В то время улыбнулся.

Узрев толь сильную посольску
полну мочь,
Какую при письме казала царска
дочь,
А паче на нее воззрение Плутона,
Богиня адска трона
Велела ей скорей пресечь
Пристойную на случай речь;
И, по письму вручив горшочек ей
приватно,
Ее, без дальних слов, отправила
обратно.
Царевна наконец могла бы как-ни-
будь
Окончить счастливо и новый
оний путь;
Но друг ее Зефир сначала,
Как видно, бед не предузнал
И ей особо не сказал,
Чтобы горшочка не вскрывала.
Царевна много раз

В горшочек посмотреть в пути
остановлялась,
И в тот же самый час
Желанию сопротивлялась.
Напоследи, смотря и в стороны и
в след
И до двора уже немного не дошед,
Венеры заповедь, и гнев, и страх
презрела,
Открыла кровельку, в горшочек
посмотрела.

Оттуда, случаем лихим,
Внезапно вышел черный дым.
Сей дым, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И белое лицо и вскрыта бела
грудь
У Душеньки тогда покрылось чер-
нотою.
Она старалась пыль платком с
себя стирать;
Но чем при трении трудилася
сильнее,
Тем делалась чернее,
Как будто бы свой вид трудилася
марать.
Надеялась потом хоть как-ни-

будь водою
Прошедшую себе доставить красу,
Но чудною бедою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И к токам чистых вод хотя лицо
склоняла
И черноту свою хоть много раз
купала,
Смотрясь в водах потом, уверила
себя,
Что темностью она была подобна
саже,
Иль просто, так сказать, красу
свою сгубя,
Была арапов гаже.

В сем виде царска дочь
Стыдилась всякой встречи
И, слыша всяки речи,
От всех бежала прочь.
Для белых рук ее в народе вышла
сказка,
Что будто бы она таилась от
людей
И будто бы на ней
Была лишь только маска.

Иные, ей в посмех,
Давали странный образ делу
И уверяли всех,
Что боги, будто б ей за грех,
Арапску голову пришили к белу
телу.
Простой же весь народ,
Любуясь Душеньки и видом и осан-
кой,
Дивился в ней еще собранию кра-
сот
И звал ее тогда прекрасной афри-
канкой.
Но Душенька, сей вид
Себе имея в стыд,
То шею, то лицо платочком за-
крывала,
И в горести тогда, куда идти, не
знала, —
Идти ли ей потом на смех и на
позор
Обратно в дом к Венере
Или к родным во двор?
Но может ли их взор
За точну Душеньку признать ее
по вере?
Осталось только ей сокрыть себя
тогда

*В какой-нибудь пещере,
Где б люди никогда
Ее толь горького не видели сты-
да,
И там зарыть себя живую,
Чтобы скорее тем окончить
участь злую.*

*Амур жестокость зол подобно
ощущал,
Он все ее беды иль видел, или знал.
Но для чего ее оставил он без
стражи,
Когда она несла горшочек адской
сажи?
Читатель сей вопрос решит, ко-
нечно, сам:
Угодно было так судьбам,
Угодно было так Венере,
Чтоб Душенька была черна,
Чтоб Душенька была дурна
И крылась от людей в пещере.
Амур отвержен был в Цитере
И, в небе был тогда без сил,
Беде нарочно попустил,
Чтоб тем обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привести
ко гробу.*

Для редкости сих дел
Повсюду мир шумел
О роде Душеньки, об участи, о ле-
тах,
О всех ее приметах.
Дошла впоследствии,
Через слух иль как ни есть,
К сестрам ее коварным,
Что Душенька в раю с супругом
лучезарным
Недолго пожила;
Что изгнана оттоль за некаки
дела
И что напоследи, скитаяся без де-
ла,
Иссохла, подурнела
И страшно почернела.
Они устроили на случай торже-
ство
И громко всем трубили,
Что Душеньку везде грехи ее губи-
ли
И что за то ее карает божество.

Превратным разумах любви су-
щество
Неведомо и странно.
Сестры царевны сей,

Навлекши скорби ей
И все ее дела ругая беспристрастно,
Отнюдь не мыслили во мраке
клеветы,
Что Душенька, лишась наружной
красоты,
Могла Амуром быть любима по-
стоянно.
Амур, напастями царевны отвле-
чен,
Стремил старание к единому
лишь виду,
Чтоб гнев судеб к ней был, сколь
можно, облегчен,
Как будто бы забыл от сестр ее
обиду;
Но после обратил их наглость им
же в казнь:
На торжество сих сестр нарочно-
го отправил,
Который от него, как должно, их
поздравил;
Благодаря притом за дружбу и
приязнь,
Прибавил, что Амур любовью к
ним пылает
И с нетерпением увидеть их же-
лает,

И только ждет, без дальних слов,
Чтобы они, взошед на каменную
гору,
Какая выше всех представится их
взору,
Оттуда бросились в ров;
И что потом Зефир минуты не
утратит,
Тотчас летящих их подхватит,
Помчит наверх в небесный край
И прямо постановит в рай,
А там Амур явит им должные
услуги,
Намерясь купно взять обеих их в
супруги.

Услыша толь приятну речь,
Сестры царевнины от радости
вскружились:
Скорей коней велели впречь,
В богаты платья нарядились;
Не прочили белил, ни мушек, ни
румян,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и
обман,
Отправились к горе, а там, с кру-

той вершины,
Спешили броситься в стремнины.
Но их Зефир потом наверх не под-
хватил,
А дул, как видно, только в тыл;
И в райское они жилище не попа-
ли,
Лишь только головы себе, летя,
сломали.
Карая тако злость, меж тем пре-
красный бог
Подробну ведомость имел со всех
дорог,
От всех лесов и гор, где Душенька
являлась,
И, сведав, что она,
От всех удалена,
В середине гор скрывалась,
Донес богам о том сполна;
Донес, что Душенька была уже
черна,
Суха, худа, дурна;
И упросил тогда смягченную Ве-
неру,
Чтоб было наконец дозволено ему
Открыто самому
Явиться к Душеньке в пещеру.
Но как представился тогда его

очам

Предмет любви постоянной?
Несчастлива Душенька, в печали
несказанной,
Не ела, не пила, не зрела света
там.

Читатель должен знать сначала,

Что Душенька тогда лежала;
Но боком иль ничком,
Спала или дремала,
Не ведаю о том

И не хочу искать свидетельства
для веры;

Лишь знаю, что она лежала на
фате

У входа сей пещеры,
Скрывая голову в пещерной тем-
ноте;

А часть оставшая являлась в кра-
соте

На зрелище пред входом;

И быть тогда могла признаком и
доводом,

Когда б любовный бог

О точности вещей иметь сомне-
нье мог.

Зефиры видели и свету возвести-

ли,
Что Душеньку Амур издалека
узнал
И руку у нее, подшедши, целовал;
Но скоро их из глаз обоих упусти-
ли.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась от
стыда,
Уйти в пещеру торопилась
И тамо наконец с Амуром изъяс-
нилась,
Неведомо в каких словах;
А только ведомо всему земному
кругу
Взаимное от них прощение друг
другу
Во всех досадах и винах.

Амур потом, при всей свободе,
Велел публиковать в народе
Старинну грамоту, котору сам
Зевес,
В утеху всех дурных, на землю дал
с небес;
И всюду слово в слово
Та грамота тогда твердилася за-
ново:

«Закон времен творит прекрасный вид худым,
Наружный блеск в очах преходит
так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет».

Слова сии Амур твердя повсюду сам,
Представил грамоту Венере и богам,
А вместе с грамотой и Душеньку представил,
Котору в черноте дурною он не ставил.

Юпитер, покачав,
Разумной головою,
Амуру дал устав,
По силе старых прав,
Чтоб век пленялся он душевной красотю
И Душенька была б всегда его четою.

Сама богиня красоты,
Из жалости тогда иль некакой тщеты,
Как то случается обычно,

Нашла за должно и прилично,
Чтобы ее сноха,
Терпением своим очистясь от
греха,
Наружну красоту обратно полу-
чила, —
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цветна,
бела,
Как преж сего была.
Амур и Душенька друг другу равны
стали,
И боги все тогда их вечно сочета-
ли.
От них родилась дочь, прекрасна
так, как мать;
Но как ее назвать,
В российском языке писатели не
знают.
Иные дочь сию Утехой называют,
Другие — Радостью, и Жизнью, на-
конец;
И пусть, как хочет всяк мудрец,
На свой зовет ее особый образец.
Не применяется названием нату-
ра:
Читатель знает то, и знает весь
народ,

Каков родиться должен плод
От Душеньки и от Амура.

1⁷⁸³

ПЕСНИ

«Пятнадцать мне минуло лет...»

*Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2
[39]*

*Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. 2*

*Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2*

*Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;*

Попросит он любви задаток, —
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2

Дала б ему я посох свой, —
Мне посох надобен самой;
И чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстать-
ся;
Мне посох надобен самой. 2

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? 2

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. 2

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придёт сюда. 2

1⁷⁷³

«У речки птичье стадо...»

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел,
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто он тут был.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Почасту ветерочек
Дул платице на мне;

Почасту там кусочек
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Мне снилось в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унести хотел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.

Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Неизвестные годы

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Понеже

*Понеже говорят подъячие в при-
казе:*

*Понеже без него не можно им
прожить,*

*Понеже слово то показано в ука-
зе,*

*Понеже в выписке оно имелось
быть,*

*Понеже секретарь им сделался в
заразе,*

*Понеже следует везде его гла-
сить.*

*Понеже состоит вся сила их в по-
неже,*

*Затем и не живет у них понеже
реже.*

1⁷⁶¹

Стихи к Климене

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя лю-

бить;

А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

1763

Стихи к деньгам

Божественный металл, красящий
истуканов,
Животворящая душа пустых кар-
манов,
Подпора стариков, утеха моло-
дых,
Награда добрых дел, нередко и ху-
дых,
Предмет воюющих, покой живу-
щих мирно,
И досажденье тех, у коих брюхо
жирно,
Здоровья, бодрости и силы под-
крепитель,
Сподручник счастья, свободы ис-
купитель,
Магнит торгующих и бог ростов-
щиков,
Разумных добрый вождь и гибель
дураков,
О деньги, к вам стихи писать
предпринимаю,

Но, муза, не тебя я в помощь при-
зываю,
Ты так же, как и я, карманами
бедна,
И нагота твоя в картинах нам
видна;
Велика ты душой и разумом бога-
та,
Правдива и честна, и в песнях то-
ровата;
Твоею лирою пленяюсь часто я,
Но участь скудная известна мне
твоя.
Отец стихов Гомер, твою прияв-
ши лиру,
В наследство славу лишь свою
оставил миру.
Анакреона ты подобно возбужда-
ла,
И щедро ты его стихами награж-
дала,
В весельях ел и пил, и жил Анакре-
он,
Но что оставил нам? Одних лишь
песен звон.
Овидий, коего ты нежностью
снабдила,
Овидий, коего пером любовь води-

ла,
Кто сладким, наконец, творени-
ем своим
Пленил толико всех, колико древ-
ний Рим,
Овидий, коего стихи Кларисе лю-
бы,
В холодном севере скончал свой
век[40] без шубы.
Другой чрез много лет, писав при-
ятный вздор,
По смерти, как Гомер, в народах
сделал спор:
Потомки разные доказывать
трудились,
Что с сим писателем в одной
земле родились;
Высоко ставили себе такую
честь,
Коль город, где возмог пиита про-
известь,
Но о стяжательном никто не
спорил праве
Того, которого завидовали славе.
Хоть слава шумная имеет много
уст,
Но слава, как и я, карман имеет
пуст,

Летая налегке в подсолнечной с
трубою,
Металлов не берет богиня та с
собою.
Везде о всех и всем все вести гово-
ря,
Нагая носится чрез горы и моря.
О деньги, нет у вас ушей, ни глаз,
ни гласа,
Но чувства вам не раз давал певец
Парнаса,
Я прежни приведу на память чу-
деса:
Когда Орфей играл, плясали древе-
са,
И камни, что поля неплодным
удручали,
От песней двигались и чувство по-
лучали.
Преобращалась тогда земля в ме-
талл,
Курс денег с той поры известен в
мире стал;
Тогда произвелась ходячая моне-
та
И стала колесом вертящегося
света.
Движенье новое земной воспринял

шар,
За деньги всякий всем даваться
стал товар;
Тогда осыпалась земля серебром и
золотом,
Богатый без родства богатому
стал братом;
Не то ли век золотой, известный
нам в стихах,
Который и поднесь хранится в ко-
шельках?
И некто написал, что стали че-
ловеки
В железных сундуках хранить
золотые веки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ишполит Федорович Богданович (1743–1803) родился на Украине в семье бедного дворянина. Десяти лет поступи службу в Московскую юстиц-коллегию, сильно нуждался. Был замечен директором университета поэтом Херасковым, который помог Богдановичу попасть в университет и выступить в печати. В 60-е годы сближается с Н. И. Паниным и служит по дипломатическому ведомству под его началом. Увлекается идеями французских просветителей, переводит поэму Вольтера «На разрушение Лиссабона» и его же комедию «Нанина». В 1773 году анонимно издает сборник «Ли́ра, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов». Начиная со второй половины 70-х годов происходит сближение Богдановича с правительственным лагерем. Этому немало способствовало появление в печати лучшего его произведения — поэмы «Душенька» (1783). В 1786 году по прямому заказу Екатерины II пишет комедию «Радость Душеньки», а к 25-летию ее царствования драму с хорами «Славяне». Лирическая поэзия

Богдановича представлена одами, сатирами, баснями, но наиболее характерными жанрами его творчества были идиллии, пасторали, любовные песенки, написанные в сентиментальном, псевдонародном стиле.

Произведения И. Ф. Богдановича печатаются по тексту книги: И. Ф. Богданович, Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта. Большая серия), «Советский писатель», Л. 1957.

Примечания

Душенька. — Сюжет «Душеньки», в основе которого лежит древнегреческий миф, был литературно обработан Апулеем в его романе «Золотой осел» и Лафонтеном в книге «Любовь Психеи и Купидона».

[^^^]

2

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои... и далее. — В первых стихах своей поэмы Богданович демонстративно противопоставляет героической тематике «Илиады» Гомера любовный сюжет своей «Душеньки».

[^^^]

...обильной льдом Славены... — реки Славянки, протекающей в Павловске близ Петербурга.

[^^^]

4

...стихов двойчатых... — стихов, разделенных цензурой на два полустихия.

[^^^]

5

...без равных стоп... — Поэма написана разно-
стопным ямбом.

[^^^]

...Ликаон, // Которого писал историю Назон...
— В «Метаморфозах» Овидия Назона помещен рассказ об аркадском тиране Ликаоне, который убил заложника из соседнего государства и решил накормить гостей его мясом. Кроме того, он посягал на жизнь Юпитера, остановившегося под видом странника в его дворце. За свою жестокость Ликаон был превращен Юпитером в волка.

[^^^]

...в Москве на маскараде... — Маскарад «Торжествующая Минерва» был устроен в Москве по случаю коронации Екатерины II (с 30 января по 2 февраля 1762 г.). На нем в аллегорической форме высмеивались различные пороки.

[^^^]

8

Тамбуры — круглые пяльцы.

[^^^]

Сигклит (синклит) — собрание избранных, лучших (*греч.*).

[^^^]

Юничий род — пчелы. Юнона считалась покровительницей пчел.

[^^^]

Роба — платье (от франц. *robe*).

[^^^]

...во кравчих был... — Кравчий (придворный сан) «рушил» (то есть резал) за царским столом жаркое, дичь, пироги.

[^^^]

Бельведер — светлица над домом, вышка над кровлей.

[^^^]

Калисто — героини «Метаморфоз» Овидия.

[^^^]

Армида — героиня поэмы Тиссо «Освобождение Иерусалима».

[^^^]

Ангелика — героиня поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

[^^^]

Фриня (Фрина) — древнегреческая гетера, прославившаяся своей красотой.

[^^^]

Апелл — Апеллес.

[^^^]

Фауны — фавны.

[^^^]

Помонин рог — рог, наполненный плодами
(см. Помона).

[^^^]

Ясмин — жасмин (от франц. *jasmin*).

[^^^]

Плеть — хороводная игра.

[^^^]

Менандр (ок. 343–291 до н. э.) — греческий комедиограф.

[^^^]

Кино Филипп (1635–1688) — французский драматург, писал трагедии и либретто для опер.

[^^^]

Детуш Филипп-Нерико (1680–1754) — французский драматург.

[^^^]

Реньяр Жан-Франсуа (1655–1709) — французский драматург, последователь Мольера.

[^^^]

Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель и философ. Богданович имеет в виду его комическую оперу «Деревенский колдун» (1752).

[^^^]

...любовница... // Не зная, что сказать, кричала часто: ах! — Намек на трагедию Ф. Козельского «Пантея», героиня которой многократно произносит междометие «ах!».

[^^^]

*...велела // Исправным слогом вновь амурам
перевести... — Намек на «Собрание, стараю-
щееся о переводе иностранных книг»
(1768–1783), созданное по воле Екатерины II.*

[^^^]

Различные листки... протерзко выходили... —
Имеются в виду сатирические журналы
1769–1774 годов, оппозиционные к Екатерине II.

[^^^]

...между полезными... — Имеется в виду журнал Екатерины II «Всякая всячина».

[^^^]

Петиметры — щеголи, вертопрахи (от франц. *petits maîtres*).

[^^^]

Выкладки — фигурные украшения на верхнем платье.

[^^^]

На щуке шегардой — верхом на щуке.

[^^^]

...близь своей повети... — Поветь — помеще-
ние под навесом на крестьянском дворе.

[^^^]

...и носит хвост в три пяди... — носит длинный шлейф, не подобающий ее сану. В придворном обиходе второй половины XVIII века длина шлейфа была строго регламентирована в зависимости титула и звания.

[^^^]

*...О страшном некаком наклоне // Бродящих
близ земли комет... — По-видимому, намек
на комету Лексея (1770 г.), возбудившую
много толков.*

[^^^]

Пракситель (ок. 390 — ок. 330 до н. э.) — греческий скульптор.

[^^^]

Цифра 2 при последнем стихе каждой строфы указывает, что этот стих должен был в пении повторяться.

[^^^]

В холодном Севере скончал свой век... — Римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. до н. э. — 17 г. н. э.) был сослан в Томы на берега Дуная, где и умер.

[^^^]